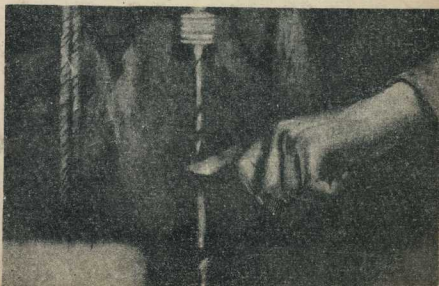

1931 • ОГИЗ • „молодая гвардия”

5 СМЕТА 10

лет ФЗУ

...Надо отдать должное комсомолу,— в деле борьбы за фабзавуч он сыграл крупнейшую роль. Если бы партия и комсомол не вели борьбы с оппортунистической линией руководителей профсоюзов, мы бы не имели тех достижений, которые мы имеем сейчас, не имели бы 600 тысяч фабзавучников. Но в то же время Центральный комитет считает, что мы не должны допускать перегибов, и я думаю, что съезд комсомола усвоит эту правильную позицию. На сегодняшний день, поскольку у нас нехватка рабочей силы, поскольку это— узкое место в нашем производстве, мы не можем ограничиться только фабзавучем, мы должны применить и систему ускоренной подготовки рабочей силы.

...Тот фант,
что в 1931 г. мы хотим иметь

1.200.000 ФАБЗАВУЧНИКОВ,

показывает, по какому пути идет у нас подготовка кадров. Задача комсомола заключается в том, чтобы этих 1.200.000 фабзавучников действительно организовать, чтобы оттуда росла настоящая передовая шеренга производственников. Комсомол должен сейчас работать под лозунгом:

ни одного фабзавучника вне рядов комсомола!

Все они должны быть в рядах комсомола как бойцы за ленинскую линию ВКП (б).

Л. Каганович (из доклада на IX съезде ВЛКСМ).

План второго года пятилетия по промышленности ВСХП выполнен на 104 проц. Капитальные вложения, вместо запроектированных планом 12,7 миллиарда рублей, достигли 13,8 миллиарда рублей.

Вот рост страны, которым не зазорно и похвастаться. Ибо это — триумф, торжество идей коммунизма.

В отличие от роста хозяйства капиталистических стран (т.е. тех периодов, когда он происходил), рост хозяйства СССР неразрывно и постоянно сопровождается ростом материального и культурного благосостояния рабочих и крестьян. С 1927 по 1929-30 г. народный доход увеличился с 23 миллионов до 24 миллионов рублей. Средняя заработная плата рабочих возросла с 1926 г. на 45 проц. и в первую половину 1930 г. поднялась на 9 проц. Реальная заработная плата по сравнению с заработной платой рабочих в до-революционный период поднялась на 139 проц., а принимая во внимание социальные страховые и прочие — увеличилась на 164 проц.

В капиталистических же странах безудержно растет безработица. Теперь она невиданная по своим размерам. Рост безработицы в капиталистических странах в 1930 г. характеризуются следующими цифрами: в Англии на 175,5 проц., в Германии на 198 проц., в Италии на 172 проц., в Польше на 178 проц., в Австрии на 152 проц., в Чехо-Словакии на 392 проц. Количество безработных в капиталистическом мире по минимальным подсчетам составляет 30 млн. человек. У нас же безработица в основном ликвидирована, хотя во всем народном хозяйстве имеется резерв неиспользованной рабочей силы. Это явление столь крупное и глубокое по своему значению, что его вряд ли можно переоценить.

А. КОСАРЕВ (из доклада на IX съезде ВЛКСМ)

Отец и сын Хольстер переходили улицу, когда у них над ухом раздался резкий гудок, и мимо промчался полицейский автомобиль. Старик вынул изо рта черную трубку и сердито сплюнул. Его глаза ошумевали выгнувшиеся длинной лентой авто с полицейскими. Он насчитал 20 человек. Двадцать ближе, до куты похожих друг на друга, одинаковые карabinеры, одинаковые резиновые дубинки, одинаковая форма и даже одинаковые застегившие лица.

Взгляды полицейских остро впились в толпу безработных, густо заклопыхивших тротуары. Неясный гул унесся вслед автомобилям. Прошлый раздавался свист. Тогда полицейские приподнялись и поворачивали иконеры в подозрительную сторону.

Молодой Хольстер с довольной улыбкой поглядывал себя по бокам каварму. Смеющимся взглядом он мерил черные бесконечные ряды тротуаров, по которым медленно тнулася лента безработных. Усталые, пошурье фигуры, с руками, засунутыми в карманы.

Юноша гордо поднял голову так, чтобы был ясно виден значок на его фуражке — значок коммунистического союза молодежи Германии. Уже больше года носит он этот значок по городу. Некоторые в толпе с испугом поглядывали на него, другие дружелюбно кивали головой. Ганс чувствовал, что здесь, на улице, два лагеря. Беспочвенно лежало на лицах. Сорвется слово, прозвучит гаух и замерт. Загорится взгляд и сразу потухнет. Тревожно и радостно билось сердце — казалось, это начало демонстрации. У Ганса на языке вертелись слова песни. Он начал тихо напевать.

А народ все прибывал. Из глубины улиц, переулков, площадей мнялся поток безработных к бюро по найму рабочих.

На каждом перекрестке стояли вооруженные полицейские. Пешие и конные. Они не спускали зрящих глаз с волнующейся толпы, исторженно вглядываясь в лица рабочих. Но рабочие, казалось, не замечали их. Они шли со взглядами, устремленными на заветный вход в бюро по найму. Руки полицейских нервно сжимали револьверы и резиновые дубинки. Медленно справа и слева от них пала толпа. Странное зрелище представляла улица; во всю ширину стояла цепь полицейских, пехих и конных. В соседних переулках — нагромождение грузовиков, на всякий случай. Грозный окрик — проходите! — и помахивание резиновой дубинкой. Только слово, только взгляд, только одно неверное движение, — и они готовы ринуться в бой. Их глаза напряженно вглядывались в толпу.

Отец и сын Хольстер шли прямо на полицейского, как будто вместо него было пустое место. В груди старика кипела злоба. Юноша бросил яростный взгляд на полисмена, который только что грозным окриком заставил одного безработного поспешно отодвинуться дальше. Полицейский сделал шаг к Гансу. Он впились в его лицо, ни ничего не сказал, только дубинка его описала в воздухе пространный круг.

Отец и сын вместе с людским потоком влились в помещение бюро. Атмосфера сгустилась. Дыхание становилось затруднительным. Грудь сужалась. Над толпой росло густое серое облако табачного чада и темной пеленой окутывала безработных. Толпа все прибывала. На лестнице образовался затор. Гул голосов сливался в оглушительный рев. Крики и крикье слышались в раскати-стом смехе. Смех ли это? В тесном кольце стояли они, тесно прижавшись друг к другу, все как один — напряжение и внимание. Кто-то громко заговорил, головы всех повернулись в его сторону. Рот, глаза, облик говорившего сияли. Он крикнул. Каждый нерв его лица вторил ему, выдавая живой призыв.

Длинный выстрел озадающих потонул к двум крохотным окошечкам в стене. Хольстер с сыном тоже подошли к окошку, просунули в него свои пестрые карточки, и через пару секунд машина вырвалась им обратно. На них бросился свежестого новенький синий штани. Они подошли к барьеру на безработных, который тесным

баррикады гоподных

Георг Пиштер

Смена 5

20 февраля 1931

литературно-художественный, общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

орган ЦК и МК ВЛКСМ

издатель ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ответственный редактор С. КЭМРАД

заместитель ответственного редактора В. ЛЕБЕДЕВ

заведующий редакцией И. КУПРОФ

художники-оформители А. ДРУЖИЛОВ и Е. ЖЕМБАРГ

адрес редакции: Москва, центр, Б. Чернышевский, 6, телефон 5-67-03

„Здесь!—Тысячи, здесь!“ понеслись в ответ...

колонной окружал трибуну. Ганс опустил руку в карман. Оглянулся вокруг, быстро раскрыл пакет и, пробираясь сквозь толпу, награждал каждого листовкой. Несколько минут—и папка листовок роздана. Белые, зеленые, розовые.

Ганс наблюдал, как глаза безработных впились в листки. Сердце его забилось сильнее. Радость и бодрость поднялись в душе. Его листочки дали всем определенное направление мысли. Его листовки—руководители безработных. Ганс еще раз с удовлетворением прочел содержание листовок на лицах толпы.

На трибуне вспыхнул свет. Из-за верха бумаг поднялся толстый чиновник и быстро взглянул на листок, который держал в руке. Задние ряды нажали на передние. Шум затих. Глаза всех устремились на листок, который держал чиновник.

— Три сестера для Сименса,—выкрикнул чиновник.

— Здесь!

— Здесь!

— Здесь!

— Здесь!—Тысячи здесь! понеслись в ответ. Только трех выслушал чиновник, тех трех, которые успели протянуть ему свои проштампованные карточки. Три сестера скрылись за чиновником. Тысячи карточек опускались обратно в карманы. На день... на неделю... на месяц... на год... Бить может, навсегда!

Свет на трибуне погас. Опять зашумела толпа.

У живого барьера кто-то беззвучно опустился на колени и бессильно упал лицом вниз. Стоящие рядом пытались подхватить его па-лету, но не успели.

Ганс пробрался вперед. Тесным кольцом окружала толпа бесчувственного человека. Земельное лицо его налилось кровью. Глаза были закрыты. Губы плотно сжаты. Искженные черты лица затаили глубокую ненависть.

— Воды!—пронесся крик.

Каждый из стоящих рядом положил на грудь упавшего свой скудный завтрак.

Большого перенесли на скамью. Ганс вглядывался в неподвижное лицо. Оно оставалось все так же безжизненным. Плотно сжатые губы не пропускали дыхания. Кто-то принес стакан воды. Поднес к губам больного. Испуганно поставил обратно на скамейку. Поцупал пульс. Жуткое молчание вокруг. Согни сердца забились в одном ритме страха.

— Что случилось?—тихо спросил один.

— Пульс... пульс...—беспокойно искал он пульс.—Пульса нет.

— Умер?

— Умер!—понеслись сразу со всех сторон.

Ни один мускул не дрогнул на лице умершего. Оно посинело. Ногти правой руки глубоко впились в тело. Смерть встала явуч перед лицом толпы. Серая, ужасная смерть... Со страхом вглядывалась толпа в ее гримасы.

С ближайшего двора послышался резкий свист и крик. Молчание прорвалось. Толпа дрогнула и бросилась вниз по лестнице.

— Вниз! Вниз!—кричала все. В дикой панике толпа почти скатилась с лестницы.

Забитый мертвец лежал на скамейке со страшным, искаженным лицом.

Во дворе, на лестнице, в коридорах стужились безработные, плечо к плечу, спина к спине. Руки инстинктивно хватали передних. Крики неслись сильнее. Вдруг грома, чистые звуки лесни пронеслись над толпой. Это падала молодая. В домах открылись окна.

Поднятая рука вверх и полуоткрытый рот призывали толпу к молчанию. Все устремились к говорившему:

— Товарищи! Не поддавайтесь провокации полиции. Полиция хочет открытого столкновения. Нашу демонстрацию хотят предугреждать. Они хотят нас натравить друг на друга. Мы должны бороться с этим! Мы требуем, чтобы полиция очистила вход! Мы требуем, чтобы нам дали возможность открыто демонстрировать за наши требования. Мы, безработные, имеем право на улицу! Мы боремся за это право! Я призываю вас всех идти на демонстрацию! За свободу и хлеб!

Резкий свист, раздавшийся у входа, покрыл последние слова оратора.

— Начали!—раздался выкрик.

— Собаки! Босний Хулиган!—неслось в ответ.

В воротах показались синие мундиры. Три, четыре, пять... Они заняли весь широкий проход. Шаг за шагом протискиваясь они в глубь двора, прокладывая дорогу резновыми дубинками. Из толпы неслись дикие выкрики.

— Долой правительство, обрекающее рабочих на голодную смерть!—раздавалось со всех сторон.

В проемежах тихо слышались приказания:

— Не расходитесь! Оставайтесь на месте!

Между цепью полицейских и собравшимися во дворе открылась пропасть. Ганс Хольстер стоял в кругу молодежи. Он не видел отца, стоявшего перед цепью полицейских. Некоторым из полицейских удалось пробраться в коридор помещения. От них отделился офицер с револьвером наготове и сделал два шага по лестнице вниз.

— Я требую от всех выйти во двор. В противном случае буду стрелять!—сказал он.

Молчание было ответом. Хольстер оглянулся вокруг. Поспешили ли кто-либо? Несколько секунд—догик как день—отступили вглубь у всех. Вгляды устремились на поднятый револьвер. Хольстер поднял высоко голову и прямо посмотрел в глаза офицеру, который снова повторил угрозу... Первый ряд безработных не шелохнулся.

— Если кто дрогнет,—подумал Хольстер,—все пропадет. Только бы не спастись!

Далеко внизу раздался неясный выкрик:

— Долой правительство, обрекающее рабочих на голодную смерть!

Офицер отскочил назад. Словно волна облегчения пронеслась над толпой.

— Долой! Долой! Долой!—бурной волной прокатилось с лестницы по двору.

Полицейские бросились на первые ряды с поднятыми дубинками и с револьверами. Хольстер почувствовал, как рука соседа вдруг задрожала. Он закричал:

— Ни с места!

В этот миг раздался первый выстрел. Глухой крик пронесся и замер во дворе. Со всех сторон полетели камни в полицейских. Выстрелы сыпались один за другим, вызывая ответные предсмертные крики. В панике толпа бросилась назад по лестнице.

На демонтированном дворе лежал Хольстер, лицом уткнувшись в землю. Он был мертв. Многие шатались от ран. Другие поднимали тяжело раненых. Ганс скатился с лестницы и в тот же миг на него посыпались удары резновыми дубинкой.

Свободы, негодный!—сыпались шипеты вслед за ударами. Все в остервенении набросились на Ганса. Удар за ударом. Еще, еще! Шатались, выскочил во двор, который странно кружилась у него в глазах. Вход—окно—окно—окно. Он бросился в одном направлении, получил новый удар и свалился на землю. Поднялся, сделал два шага. Рот конвульсивно передернулся. Пальцами нажал рот, вымучил слово:

— Отец!

Два железных обруча обхватили его руки. Полицейские поволокли его пинками к грузовику. Один направил на него револьвер. Ганс лежал с бледным, безжизненным лицом. Свободы, негодный уже не доходил до его сознания. У него в ушах дивной музыкой звучали „Интернационал“ и „долой“, которые дружно подхватывала толпа демонстрантов.

Толпа демонстрантов дружно повторяет звуки „Интернационала“...

музында Социалистических кадров

Д. Петровский

В автобиографии тов. Бахвалова, одного из активных участников декабрьского восстания 1905 г., имеются следующие строки, но глубокое по своему содержанию штрихи:

«На первом году отдали меня на учебу к сапожнику. А известное дело, как раньше обращались с учениками. Если хозяин тебе кричит—иди за водой, ты должен немедленно бежать, а если на улице холодно, а ты разут и замочился, чтобы отбегать, хозяин сразу напинает тебя драть. Ты и бежишь на босу ногу. Так вот я и протрусился, ногу прищипало, конечно, отрезать».

Рассказ короткий и простой. Но он, словно молния, освещает тяжелую долю ученика в старой царской России. О ней мы почти забыли. Но целим забыть не можем. Напоминают нам о ней высоко цивилизованные капиталистические страны Европы и Америки. «Прогрессивно-рационалистическая политика» буржуазии во всех странах и во все времена в том и заключалась, чтобы трудом подростков и женщин подымать свою прибавочную стоимость, снижая жизненный уровень всего рабочего класса. Дети и подростки являлись тем резервом, при помощи которого буржуазия подымала свою прибыль. А среди подростков наиболее жестокой эксплуатацией, как общее правило, подвергались так называемые ученики. Нынешний период на Западе отягачивается только тем, что буржуазия эксплуатирует подростков и детей при помощи колоссальной армии безработных, превращая таким образом ученичество в еще более тяжелое мучительство.

Неважно буржуазии во всех странах к коммунистической молодежи обусловлена не только тем, что секция КИМа беззаветно борется за дело коммунизма, но и тем, что революционная коммунистическая молодежь везде выступает смелым защитником экономических интересов рабочей молодежи против ненасытных appetitov эксплуататоров.

Иное дело, конечно, фабрично-заводское ученичество в старой стране пролетарской диктатуры. Школа фабрично-заводского ученичества—детские Ленинского комсомола—является по существу основной кузницей мощи рабочего класса. В этих кузницах подготавливается новая смена пролетариев, которые призваны сочетать технику-производственные знания с общим социально-политическим пониманием тех гигантских исторических задач, которые ложатся на рабочий класс, пролагающий путь к торжеству социализма.

Комсомол все время борется против правых, против оппортунистического руководства ВЦСПС, против Гастева и гастевщины,—боролся за линию Маркса, Энгельса и Ленина в деле образования молодежи и подготовки рабочей силы. Сейчас, в особенности после XVI партсъезда, правота комсомола неоспоримо ясна.

Прошедший год—второй год великой пятилетки—является переломным годом в истории борьбы за школу фабрично-заводского ученичества. Новый учебный год в октябре 1930 г. мы начали с армией в 331 тысячу подростков, обучающихся социалистическому строительству. Цифры не велика, если посмотреть на нее под углом зрения потребности в новой рабочей силе. Наметка пятилетнего плана рабочих кадров говорит о том, что лишь по одной союзной промышленности потребность в новых квалифицированных рабочих выражается в 184 тысячи для третьего года пятилетки, в 603 тысячи для четвертого года и, наконец, в 647 тысяч для последнего года пятилетки.

Цифры гигантские. В сравнении с ними наличное количество учащихся кажется мизерным. Вместе с тем можно, отойдя не впадая в чрезмерный оптимизм, сказать, что за последний год мы заместо скандала вперед. Достаточно указать на то, что в январе 1930 г. в школу фабрично-заводского ученичества было принято около 70 тысяч, а в октябре этого же года 175 тысяч. Мы видим, таким образом, что этими двумя приемами мы значительно быстрее и выше поднялись, чем за все предыдущие годы. Точнее будет сказать, что именно в этом году начали отчетливо сказываться результаты длительной напряженной борьбы, которая велась комсомолом за школу ФЗУ.

Скачок, сделанный в течение этого года, станет явственнее, если мы обратимся к некоторым по крайней мере московским гигантам. В ФЗУ завода «Динамо» обучается теперь 250 подростков, они в се были приняты осенью этого года. На заводе «Серп и молот» обучается сейчас 915 подростков, из них этой осенью было принято 680 чел. На заводе «Красный пролетарий» обучается 530 подростков, из них в январе было принято 200 чел., осенью 262. На Электрозаводе обучается 700 чел., из них зимой было принято 200, осенью 500. Количество примеров мы могли бы увеличить. Но вместе с тем мы думаем, что в настоящий момент наш взор должен быть в первую очередь обращен к будущему. По предварительным наметкам, мы в течение приближающегося 1931 г. должны будем принять около 400 тыс. новых учеников и новых учеников. Естественно, что перед нами встает теперь огромнейшие задачи, заключающиеся в том, чтобы, во-первых, правильно осветить ту армию молодежи, которая уже собрана в стенах школы ФЗУ, и, во-вторых, подготовиться к новым наборам.

так было...

Рисунки Кукрыниксы

1 ■ отдают в учебу

2 ■ первые уроки

С точки зрения качественных показателей школа ФЗУ имеет одно огромное достижение, которым она и вправе гордиться. Вся учеба в этой школе построена на сочетании теоретических и производственных процессов. Происходит единый гармоничный процесс подготовки таких пролетариев, которые сумели бы выполнять основные задания, вытекающие из создания молодого Союза советских республик со старым капиталистическим миром.

Однако, роковой ошибкой было бы хоти на одну минуту представлять себе, что мы имеем право почитать на завтра и предостановить развитие школы фабрично-заводского ученичества в будущем. После октябрьского приема мы произвели выборочное обследование ряда школ фабрично-заводского ученичества. Результат этого обследования является живым призывом к концентрации максимальной энергии не только в области развертывания школ ФЗУ, но и в деле борьбы за улучшение качества учебы в них.

Приведем в качестве несомленного примера «КРАСНАЯ РОЗА». В школе ФЗУ обучается 453 человека, в том числе 338 девушек, 115 мальчиков. Обследование отмечает: «Занятость в производстве нет, в особенности у мальчиков. Дисциплина слаба».

Завод «КАУЧУК». Учащихся 298 человек, девочек 119, мальчиков 179. Обследование констатирует: «Трудовая дисциплина слаба, интерес к производству небольшой, у ребят с более высокими знаниями тяга в техникумы».

«АМО». Обучается 1200 человек. Там еще хуже: «Сорвано строительство. Нет педагогов, инструкторов. Нельзя помянуть». Эти примеры далеко не единичны. И относится они все к столице Советского союза — Москве. А между тем ни для кого не тайна, что строительством было сорвано не только на заводе «АМО», но и в подавляющем большинстве строек, а этот срыв свидетельствует о том, что, невзирая на новые большие приемы, сознание необходимости превращения школы ФЗУ в основной канал подготовки квалифицированных рабочих кадров все не выдало всей пролетарской общности. Срыв строительства как бы символизирует собою недостаточное внимательное отношение к кулишам социалистической мощи. В подавляющем большинстве школ мы наталкиваемся на слабое оборудование мастерских, на нехватку преподавателей, на толчею среди учащихся. Все эти явления тесно связаны между собой.

А между тем уже в ближайшем будущем в школах ФЗУ будет обучаться более полумиллиона подрастающего рабочего поколения. Эта полумиллионная армия должна осознать, что будущее социалистического строительства в огромной мере зависит от того, в какой мере она будет достаточно правильно подготовлена как в производственно-битовом, так и в культурно-политическом отношении.

Борьбу за материальную базу школы ФЗУ, в широком смысле этого слова, необходимо самым тесным и неразрывным образом связать с решительной и продуманной борьбой за повышение качества. Мы должны добиться того, чтобы кончившие школу ФЗУ действительно выполняли гигантские задачи, которые возложены на рабочий класс первой страны победоносной пролетарской диктатуры всем ходом социалистической реконструкции.

Одновременно самый ход социалистической реконструкции ставит перед нами ребром вопрос о темпах подготовки. В нашей технической школе мы в последние время наталкиваемся на неадекватность тенденций, связываемых с стремлением усилить темпы за счет понижения качества. Такой путь для нас непримлем. Фабрично-заводское ученичество в стране строящегося социализма принципиально отличается от ученичества в капиталистических странах. При капитализме весь рабочий класс является классом, по мысли буржуазии, призванным играть исполнительную, служебную роль. Даже наиболее квалифицированные рабочие должны уметь выполнять лишь конкретные, четко ограниченные исполнительные функции.

Иное дело в стране пролетарской диктатуры. Рабочий класс является творцом новой культуры, он же выковывает и создает новые формы технического творчества. Отсюда наш упор на политехническую подготовку пролетариев, на серьезную техническую их подготовку. Вместе с тем несомненно, что новые методы творчества — социалистическое соревнование и ударничество — должны найти свое применение и в школе фабрично-заводского ученичества. При должной мобилизации и концентрации наших учебно-методических сил и при правильной организации революционного подъема самих учащихся ФЗУ мы могли бы добиться того, чтобы все контингентны, ныне обучающиеся в ФЗУ, включая и набор февраля 1931 г., были брошены на производство с достаточным вооружением еще в течение этой пятилетки. Для этого необходимо, с одной стороны, подвергнуть учебному и критическому анализу учебные программы и учебные планы наших школ ФЗУ, а с другой, продумать пути усовершенствования методов преподавания и обучения. Работа должна быть проведена таким путем, чтобы сокращение сроков не только не дало бы снижения качества, а, наоборот, обеспечило бы абсолютно необходимое повышение качества наших квалифицированных рабочих. Работа по рационализации программ и методов обучения должна идти рука об руку с работой по продолжению обучения молодых квалифицированных пролетариев по окончании школ ФЗУ.

Нынешние школы ФЗУ еще дают незначительные выпуски, но эти выпуски будут расти и подыматься вверх из года в год. Окончивший ФЗУ и поступивший на производство должен быть равен в такие условия, чтобы он мог не только работать, но и продолжать учиться и совершенствоваться.

Система ДРО и система школы фабрично-заводского ученичества должны быть настолько крепко увязаны между собою, чтобы обеспечить максимально-гармоничное сочетание учебы с активным участием в социалистическом строительстве.

Растущая сеть школ фабрично-заводского ученичества уже заняла почетное место в борьбе за нового рабочего. Эти школы заслуживают того, чтобы сосредоточить на них творческое внимание всего рабочего класса.

3. дальнейшее воспитание

4. отдых (ночной)

ОТ фабрики- школы К школе- фабрике

Л. Новарская

Товарищ Новарская — бывший фабзавуч, сейчас старший мастер ф-ки им. Кутузова и член бюро МК ВЛКСМ. Постановлением Бюро ЦКской комиссии по работе молодежи она представляла за лучшие образцы ударной работы к ордену Трудового Красного Знамени.

Первые школы ФЗУ были ласками во всей системе народного образования. Росту и развитию их оказывало большое сопротивление. У нас еще не было такой блестящей аттестации, которую дал XVI партсъезд, признав, что... школа ФЗУ является лучшей формой подготовки рабочей силы.

Но с первых годов своего существования школы начали оправдывать поставленную комсомолом задачу: подготовить рабочего-передовика, активного производственника и общественника. Нам, старым фабзавучам, пришлось быть активными участниками борьбы за ФЗУ.

Когда я подростком пришла в школу-фабрику им. Кутузова (Москва), мне не были ясны задачи школы. Я знала лишь, что получу квалификацию. Да и сама школа в то время нарядилась лучше меня разбиралась в своих задачах. Хозяйственники смотрели на школу как на хозяйственную единицу, стараясь получить больше продукции. Задача подготовки кадров отходила на задний план. В цехах за машинами стояли взрослые рабочие, а ученики ФЗУ, составлявшие меньшинство, работавших на фабрике, находились главным образом на подсобной работе.

Челка комсомола возглавила борьбу за определение лица нашего ФЗУ против попытки треста свести обучение в школе к одному году. Вся масса фабзавучиков заторопилась этой борьбой. Все мы стали активистами, помнили задачи, стоящие перед нами в борьбе за ФЗУ.

Наша первая победа: переход на узкую специализацию. Мы поставили вопрос так: фабзавучиков — к машинам, на подсобную работу — взрослых малокавалифицированных рабочих, ибо мы считали, что ни один час у нас в ФЗУ не должен пропадать даром. Эта первая наша победа резко изменила лицо школы. Производственные цеха и машина завоевала молодежь. Уменьшилось число рабочих сделщиков, от фабрики-школы мы стали переходить к школе-

фабрике. Мы почувствовали себя выросшими на целую голову, так как результаты победы были налицо. Количество учеников в школе увеличилось вдвое.

Я помню, нас работало три человека на одной машине. Это называлось «обучаться в приглядку». После долгой осады треста мы получили милое разрешение мобилизовать все внутренние ресурсы с... чердаков фабрик. Но разве для нас этого было мало? Я помню, с каким воодушевлением мы отправились на «раскопки».

Это слово следует понимать буквально, так как мы раскапывали машины, заваленные чердачным хламом. Когда мы вели стиральную по улицам, страшно было смотреть и на машины, и на нас. Мы были выманы, как черти, но чувствовали себя победителями. Затем — около месяца ударная работа по восстановлению этих машин. Мы научились дорезать каждый винтик и гаечкой, мы научились не считаться со временем, мы думали только о том, чтобы пустить машины. В эти дни все коллектив фабзавуцеев горел производственным энтузиазмом, в эти дни была заложена основа ударных темпов и социализации.

После этого мы с особой любовью и бережливостью относились к машинам. Так школа воспитывала в нас чувство хозяина своей страны. Школа росла и развивалась дальше. Вместе с ней, в борьбе за нее росли мы, фабзавучики.

В вопросах теоретического обучения было много неполадок. Труднее всего было со спецделом. Машинованием мы ценили, так как оно давало нам ключ к разгадыванию «секретов» мастеров. Я помню, как воодушевлен был один слушавший. В цеху испортилась машина. Мастер возмущался с ней безуспешно несколько дней. На наши распросы старик с таинственным видом полупрошеством сообщил: «Это, ребята, сее-е-екрет! бльмущий в машине есть. Пока его не

Инструктор Нозлов и ученица ФЗУ Ипатова в слесарной мастерской (завод „Динамо“)

Фото Е. Горшневской

отдаешь, машина не пойдет, весь наш ремонт в знании секрета заключается.

Сговорились мы группой ребят остаться после работы «секрет разгадывать». Тайком от мастера разобрали машину. Теория помогла нам разгадать секрет, заключавшийся в неправильной установке частей. После этого мы с особым рвением взялись за учебу, так как в дальнейшем мы добились организации специальных кабинетов для изучения сборки, разбора и ремонта машин.

Самым большим вопросом являлся для нас состав технического персонала цехов. Пьяницы, врачи, не желавшие передавать нам знания, видевшие в нас конкурентов—таковы были наши мастера. Особенно опасным было то, что ряд мастеров втигивал в пьянку фабзайцев. Иногда фабзавучки бежали за водкой мастерам, а в награду за это получали подсобный заработок у кустарей. У нас с мастерами возникали всегда большие споры, так как мы, комсомольцы, давали отпор их рваческим аполитичным настроениям. Было ясно: надо нарушить монополию старых мастеров и двинуть молодую смену.

Квалифицированная комиссия II выпуска ФЗУ подвела итоги нашей борьбы за школу.

Все фабзайцы были выпущены на фабрику с оценкой высококвалифицированных рабочих 30%, из нас было оценено высшим разрядом и рекомендовано для выдвижения на работу подмастерьями. На комиссии представители старых мастеров пытались срезать нас. Помню, как в течение получаса один из мастеров пытался меня «срезать» секретами, но, конечно, безуспешно, так как теория поставила крест над «секретами», а школа ФЗУ поставила крест над традицией рвачей-мастеров.

Прошло пять лет после того, как я окончила ФЗУ. Сейчас я работаю старшим мастером цеха, преподаю машиноведение в ФЗУ, несую большую общественную работу. Все это я получила в школе ФЗУ, воспитавшей меня.

Поэтому жизнь, школа ФЗУ в настоящее время, новые победы и успехи, новые трудности, стоящие перед нами, являются вопросом актуальными для меня.

Я горжусь тем, что окончила ФЗУ и всегда буду чувствовать себя фабзавучницей.

ЗИМА

За цехи, за перекрестиями рамы
Накрыла уже улицы белая асфальт.
Бездра станом—и, будто комания,
Ремут резы зернистую сталь.

А только гудок прорвется по цеху
И вырвется в двери в дальнейший облет,—
Рабочей бригадой, с песней, со смехом
Выйдем на этот сверкающий лед.

А ну, догони! И до позднего вечера.
И дальше—вертаться ватагой в ночь.
Чтоб надные легкие напаялся воздухом,
Чтоб силы умножить рум и ног.

В цех принесем вesoлый задор мы,
Крепость мороза, вesoлые огни,
Чтоб сдвиную другом высокую норму
Не только догнать, но и перегнать.

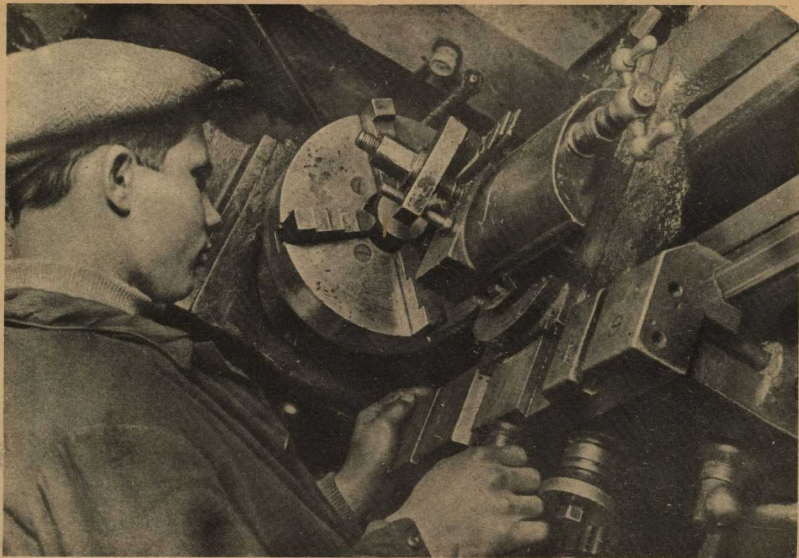
Чтобы работали уверенно уверенного
Новью мыслью (а мыслью не счастьем!),
Чтоб вскрикнуть: — Ищица, тщица инженера,
Новое предлоенье есть!

Электрoзавод

Иосиф Шагалов

Ударник Порасенков, бывший ученик ФЗУ (завод „Динамо“)

Фото Е. Горошевской

Я за ФЗУ

Г. Бебчук

Комбинат был заложен на огромном пустыре бывшей Анненгофской роши. Когда-то на этом пустыре шумели густые леса, вплотную подступавшие к металлическому заводу Гукюва. Старые рабочие и сейчас вспоминают пышные и густые кустарники Анненгофской роши, где каждое воскресенье незаметно для глаз полиции собирались первые революционные собрания рабочих с ближайших предприятий.

Миллионер Гукюв был одним из крупнейших заводчиков Москвы. Даже в для того времени он отличался особой жестокостью и трусостью к рабочим. В цехах завода за грошевою плату беспощадно эксплуатировали 4 тысячи рабочих. Мне вспоминаются 1914—15 годы. Отец мой был вальцовщиком в листопрокатном цеху. Десять часов — изо дня в день — исходили он в злом огне вертикальных раскаленных баланов. Я часто с левой матерью носил ему обед.

Наскоро проглотит отец обеда и поспешно направляется к стану. Вечером он приходил, опьяненный злобю усталости.

В годы военного коммунизма участь Анненгофской роши была, казалось, окончательно решена. Опустела, безжизненная пустыней стала роша. Столетний лес в короткое время вырубил на дрова. Период восстановления.

Ожили бывшие кадетские корпуса. В длинных зданиях, заново отремонтированных, замелькали высокие шлемы красноармейцев. Война окончена. Вред убитожен. Красные бойцы пришли за знаниями, за учебой. Радуют песни из окон казарм.

Заржавевшие цеха завода тоже проснулись. Задмичли громадные трубы. Заклокотало огненное сердце завода — мартены. Все боерей и звонче несся на окраины взорвавшийся шум цехов.

Любовь к труду передается по наследству. В переме дни восстановления, как только цеха перешагивают в выделку закипало

на жечь, проволоку, гвозди и болты, отец мой бросил конный двор и, по призыву партийной ячейки, пришел мастером в знакомый цех. Вслед за ним пришел приехавший с фронта молодой партизан Федя. Третью пошел брат Геннадий. А осенью 1926 года, пройдя медотбор, и я был принят в ФЗУ на тот же завод.

Школа существовала четвертый год. Помещалась она в темном угрюмом здании, напротив заводских корпусов. Заведующий школой, выдвигенец Баранов, был человеком малоработным и все дела за него обделывал зав. учебной частью Рождественский.

В школе насчитывались 72 ученика, главным образом из воспитанников детдомов. С первого же дня стало понятно, что мы предоставляем сами себе. Детдомовцы — народ решительный. А потому вскоре организовался учком, выпустили стенгазету, создали производственную и сан. бытовую комиссии. А через три месяца не было ни одного беспартийного фабзавучника. Ребята тесно связались с комсомольской ячейкой завода. Борьба против старых традиций и методов обучения началась в самое ближайшее время. Бывшим беспризорным, воспитанным по правилам детских коммун, не по натуре придились Рюрик, князь Игорь и Запорожская Сечь.

Злобно и корко высмеивала стенгазета уроки преподавателя физики Иванова, бывшего преподавателя женских гимназий:

Преподаватель физики Иванов, вместо практического совмещения теории физики с практикой на заводе, показывает ученикам мелкие ненужные опыты с кусочками мела, применимые только в дамских пансонах.

В ответ на это донеслись ехидные слухи о «разгоне» ФЗУ. Но партийный комитет нажимал.

Снять преподавателей, изменить программу обучения. Фабзавуч отстаивал. Школа повернулась лицом к цехам.

На уроках математики появились свежие задания.

Мастер изолировочного цеха Кроликова обучает ученицу-ударницу ФЗУ Христианову

Фото Е. Горошевской

Я ФЗУ за

- Узнать окружную скорость прокатного стана.
- диаметр роллиганов на стане 700 д. с.
- Скорость прокатки проволочного стана.

На уроках общественного обучения стали изучать историю партии. Практическое обучение долго не могли сдвинуть с места. Фабзавуч-готовил семь специальностей. Ни оборудования, ни мастерских, ни инструкторов школа не имела. Единственная слесарная мастерская, неприспособленная для цитовских занятий, при двухменной работе пропускала лишь 28 человек. В старейшем и фасонно-литейном цехах фабзавучников просто бросили на произвол судьбы. Ученики были закреплены за цехами и... позабыты.

В ноябре меня назначили на семимесячное обучение в заводскую мастерскую ЦИТА.

Маленькая слесарная мастерская, окруженная сотнями ремешных приводов, грязной терраской повисла над грохочущей токарной.

Вскоре мастерская наполнилась веселыми фабзавучатами. Тов. Рубский, единственный инструктор ФЗУ, знакомит нас с методами цитовской работы. Строго рассчитан рабочий день. Десять минут работаем, минуту отдыхаем. Первые уроки несложные и не утомляют. Основное, что мы здесь усваиваем—дисциплина и точность.

Под команду, стройно, упираясь друг другу через тиски, стучим мы молотками по железному брусту, захвату в тисках. Потом водим деревянным напильником. Инструктор поминутно поправляет наши стойки, неправильные движения.

Гудок. Снастью оравой выкатываемся из мастерской на обед. Занят—на теоретические занятия.

Дни проходили. Теперь я уже свободно владел молотком и зубилом. Пилал целым ассортиментом напильников и пилю сложные вещицы. Точил на наждаке зубила, клеймстера, шпдры. Работал в кузнице над закалкой зубил.

Подождал весна. В мастерской—горячка, выпускные зачеты. Морозов—последний ученик—сделал кронциркуль и интритмер на два часа равные срока.

После ЦИТА нас разбили по цехам. Большинство пошло в строительный цех, часть отправилась в ремонтный, часть—в прокатный на горячие станы. Меня и еще семь человек прикрепили на пайро-вольные станы листопрокатного цеха. Против такого распределения

брата подняла бунт. Как это так? Учили на слесарей, а послали работать на станы?

Заведующий ЦИТОМ Рудский тоже возмутился: «Не туда ребят посылаете». Заведующий школой Баранов, однако, отрезал: «Ничего, и здесь выучатся».

Погода ребята «практиковались». Возили воду, подметали цех, работали на полуквалифицированной работе.

Но «шпана» не дремала. Стенная газета кричала: «Ребята, по вине бездушных бюрократов, исполняют работу чернорабочих». Молодой лейтенант пестрел статьи фабзавуч «Серя и Молота». Лучшие ребята из фабзавуча и комсомольского коллектива организовали совместно с представителями партийного комитета специальную комиссию для проверки делшек в ФЗУ.

Дело № было разобрано. Баранова немедленно сняли. Вместо него райком партии прислал рабочего-выдвиженца с 14-летним производственным стажем, тов. Зайцева.

Зайцев быстро сошелся с ребятами. Положение в школе сразу изменилось. Вскоре весь фабзавуч коллективно отправился на тщательнейший медицинский осмотр в институт Обуха.

После врачебного заключения произвели окончательную переброску учеников.

Слабых ребят перебросили из горячих цехов в холодные, а здоровых ребят из холодных в горячие цеха. Через некоторое время в цехах появились инструкторы. А в школе впервые показались инженеры с завода. С радостью был встречен новый предмет—«специальное дело».

После подростка мне пришлось в третий раз переменить специальную работу. По здоровью меня признали годным на тяжелые горячие работы.

Вскоре я перебрался на проволочно-прокатный стан. Кроме меня, на этот стан пошла бывший мой конкурент, а теперь самый лучший друг—Колька Жилин, бышие детдомовцы—Морозов, Шатов, Иванов и еще человек десять.

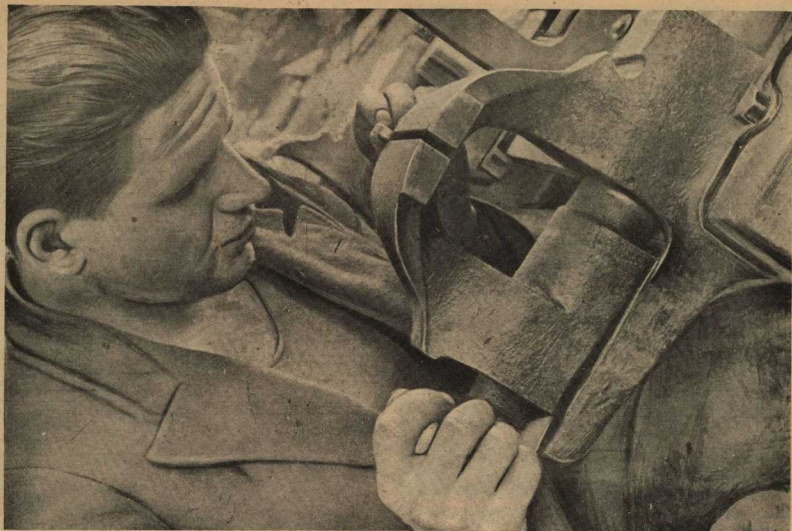
Проволочный стан встретил нас враждебно.

— Работа опасная и требует большого опыта и старательности; вряд ли из вас что выйдет,—сказал мастер стана Можайкин.— У меня рабочие-старички с 10—12-летним стажем.

В этом мы удостоверились в самое ближайшее время.

— Ишь, вальцовщиками захотели быть в один год! У нас по порядку идут в вальцовщики. Сначала нужно на браке поработать

Бывший фабзязец Горин — сейчас ударник завода «Динамо»

Фото Е. Горошевской

ФЗУ за

года три, да на пекче годика два, а потом уж можно привыкать и на стану работать.

Мы отвечали шутками:

— Ничего, батя! Вот дадут нам инструктора, посмотрим тогда, во сколько лет мы будем вальцовщиками.

Но мечтам нашим не скоро пришлось сбыться. Вальцовщиков-спецов на стану нехватало и цех категорически отклонил просьбу ФЗУ дать инструктора. Так прошло полгода.

Затем нас вручили в руки Дулину. Тов. Дулин в прошлом был командиром партизанского отряда, член ВКП(б) с 1917 года.

Мы получили шкапы, клеи и необходимый инструмент. Горы брака росли с той стороны, где учились мы. Старые вальцовщики ругались.

— Нагнали их сюда брак делать! Даромеды...

— Не бойсь, ребята,— кричал весь потный с раскаленных плит бывший командир.

Мы старались во-всю.

Первые дни я от ребят отставал, но уже через неделю я свободно работал на 490 оборотах. А через три месяца в школе обо мне и Кольке звонили, как о лучших учениках прокатки.

Вальцовщики тоже изменили свое мнение о братве.

— Да ничего, ребята ловкие: мы по восемь лет учились, а они, на вот, в год и готово,— вкалывают.

В феврале 1929 года в клубе Асташова состоялся вечер.

Впервые завод от фабзавуча получил настоящих кадровиков. Зап. ФЗУ Зайцев, выступивший с отчетом о работе ФЗУ, под громкие аплодисменты ребят, закончил:

— Я в праве гордиться таким выпуском!

— Вот они: тов. Куликов окончил фабзавуч, общественник, организатор, лучший производственный, выдвигается в ФЗУ преподавателем общественного. Тов. Бирюков окончил фабзавуч, за отличную работу назначается инструктором 2-й мастерской ЦИТа. Тов. Жильцов по окончании фабзавуча назначен бригадиром. Я уверен, что вся братва, окончившая фабзавуч, покажет себя и на производстве, и на общественной работе.

Это оправдалось. Вот два примера. Тов. Осьяин теперь заведующий отделом кадров. Тов. Рубинчик—член ЦК комсомола.

Ноябрьский пленум ЦК партии (1929 г.) решил организовать в виде опыта несколько предприятий-школ. Завод «Серп и Молот» одним из первых взялся за разрешение этой важнейшей проблемы.

Предприятие-школа уже работает ударными темпами.

Учебой охвачено 5.000 человек.

ФЗУ, ВРШ, ФЭС, ФЭТК разбросаны по всем улицам Пролетарского района. Уже сейчас в стенах школ готовятся для заводов Днепро-стали и Магнитостроя 486 человек.

Среди них машинисты доменных, мартеновских, прокатных цехов, вальцовщики, механики, настройщики и пр.

В июне 1931 г. будет закончен комбинат. О колоссальности постройки комбината говорят цифры. Будущий комбинат по объему равен 90.000 куб. м. Он включает в себя школы: ФЗУ, ВРШ, ЦУМЦ, ФЭТК, ВТУЗ, рабфак, заочные курсы. В целом комбинат будет представлять школу-предприятие, где теоретические лабораторные работы сочетаются с производственной практикой в цехах, усовершенствованных по последнему слову техники. На территории комбината строятся девять цехов: литейно-формовочный, термический, стоварио-модельный, электро-технический, слесарный, кузнечный, тянущий, кадроремизовый и сварочный. Громадную площадь занимает строящийся культурно-бытовой корпус.

В ФЗУ на сегодняшний день насчитывается 914 человек.

Школа крепко связалась с партгруппой и «Мартовской». Комбинат не закончен, а учеба идет гигантскими шагами. Фабзавуч сейчас помещается в нескольких зданиях. Они готовят 14 специальностей.

В школе—38 групп учащихся. Готовятся для заводов юга и Урала: 90 машинистов, 7 электромонтеров и 120 рабочих других специальностей.

Цех ФЗУ живет кипучей жизнью.

Комсомольская ячейка насчитывает 600 человек. Насколько организованы и общественны фабзавучники, видно из следующего: коллектив ВЛКСМ и беспартийные фабзавуча устроили четыре субботника на постройке комбината.

Сейчас ФЗУ готовится к большому празднику. Через несколько месяцев завод получит подарок от ФЗУ: 125 молодых ударников-специалистов.

Разве не ясно, что ФЗУ не только поставщик квалифицированных кадров, но также и школа воспитывающая всю молодежь по заветам Ленина?..

Комсомолка, студентка отделения холодильных машин, за семейной игрой с модели

Вступая на III съезде комсомола, Владимир Ильич много внимания уделил вопросу перестройки школы. Он говорил: «Одно из самых больших зов и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни...»

... молодое подрастающее поколение. Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариата и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

Рождение фабзавуча

Смысл Ильичевых слов ясен. Нам нужна школа, всеми своими нитями связанная с жизнью и борьбой рабочего класса. Такой школой и является фабзавуч. Первые зародыши фабзавуча возникли к концу гражданской войны, в 1920—1921 г. Организаторами ФЗУ в большинстве случаев были комсомолцы, возвратившиеся с фронтов. Они собирались группами, заведывали нежилыми, полууразумевшим подпольным, сараем, складом, таскали туда выжившие на дураках, на оставшихся заводах полуразрушенные станки и инструменты. Без всякой материальной помощи, без руководства, в невероятных условиях голода и холода рос фабзавуч. Пись фабзавуч московской школы им. Кутузова, первого текстильного фабзавуча, достаточно ярко характеризует первый период работы ФЗУ.

В клубе мы тогда занимались,
Не мучая шубенки раздеты,
На уроках возникли и дрались,
Чтоб обиднее тело согреть.
Мы ходили все оборванцами—
На вес золота ситца аршин...

Первое партийное совещание по вопросам народного образования в 1921 г. включило ФЗУ в общую сеть учебных заведений. И тогда фабзавуч впервые получил право на жизнь. К этому времени и приурочена официальная дата рождения фабзавуча.

Опportunистические атаки отбугы

Сейчас, на пороге второго десятилетия, огромные успехи фабрично-заводского ученичества настолько очевидны, что никто не смеет их оспаривать. Эту успехов комсомол добился под руководством и при помощи партии. На протяжении десяти лет съезды партии из года в год давали директивы всемерно поддерживать и расширять школы фабзавуча. Еще XI съезд партии в своих решениях требовал: «... реорганизации труда рабочей молодежи, подчинения его целям обучения и квалификации, строительства школы рабочей молодежи, объединения практическое обучение производству с теоретическим образованием и общественно-политическим воспитанием. Эти школы должны материально обслуживаться хозяйственными органами и стать в центре внимания Наркомпроса.

И все же, несмотря на все решения партии, несмотря на очевидные преимущества профессионально-политехнической школы, комсомолу пришлось обивать жесточайшие атаки на фабзавуч. Опportunисты всех рангов и мастей пополнили против фабзавуча, не понимая его роли и сущности. Эти опportunистические атаки особенно усилились к концу восстановительного периода и к началу реконструктивного.

Это вполне понятно. Если вначале многие думали, что фабзавуч—это определенное комсомольское ученичество, что школа эта не выйдет за пределы комсомольского эксперимента,—то затем убедились, что школа растет, развивается и предвещает все права на жизнь. Тогда-то началось организованное, по всем правилам опportunистического искусства, наступление на фабзавуч. Всем известно, какую тяжелую борьбу вел комсомол по этим вопросам со старым опportunистическим руководством ВЛКСМ, Наркомтруда и рядом работников ВСНХ.

Опportunисты взяли почти открытый курс на ликвидацию фабзавуча и замену его краткосрочными формами подготовки. Это была попытка передать монополию подготовки квалифицированной рабочей силы Гастеву. Комсомолу пришлось выдержать с ним длительную принципиальную борьбу за профессионально-техническую школу для подростков. Комсомол решительно выступил против гастевских попыток ограничить подготовку рабочей молодежи краткосрочной тренировкой, которая дает рабочему лишь первоначальные производственные навыки.

XVI съезд партии разрешил споры с Гастевым, признав фабзавуч основной формой подготовки квалифицированной рабочей молодежи подростков. Таким образом, ставка Гастева на монополию была бит. Вместе с тем, XVI съезд партии указал, что наряду с развертыванием фабзавуча в ближайшие годы должны быть сокращены и получены более широкое развитие краткосрочные формы подготовки взрослых рабочих. Это налагает на комсомол обязанность работать над улучшением краткосрочных форм подготовки.

Опportunисты в свое время держали ставку на вытеснение подросткового труда с производства. В 1928 г. при благосклонном участии тов. Томского броня ученичества была сокращена на 40 тыс. человек. Сокращался и количество школ фабрично-заводского ученичества. За один 1925/26 г. количество школ по РСФСР сократилось с 399 до 345. Опportunисты предлагали близкую к концу фабзавуча. Вот что писал один из горе-теоретиков опportunистической теории о необходимости фабзавуча, тов. Розенблом, в 1928 г.

«Мы предлагаем раз навсегда отказаться от навязанных идей фабзавуча, которые давно устарели и тормозят общее дело подготовки квалифицированной рабочей силы».

Сейчас, когда ФЗУ насчитывает в своих мастерских больше полутора миллиона подростков, когда выпуск 1931 года даст 118 тыс.

На пороге второго десятилетия

Э. Эстрова

Идеи Маркса и Энгельса в действии

Маркс за полвека до Октябрьской революции выдвинул идею политехнической школы, в которой производственный труд сочетается с теоретическим обучением. Но Маркс понимал, что такая школа может быть создана лишь после захвата власти рабочим классом, т. е. при диктатуре пролетариата, ибо в капиталистическом обществе основным стимулом использования подросткового труда является бесцельная эксплуатация детей и подростков.

Блестящие страницы «Капитала» Маркс посвящает анализу условий труда детей и подростков на капиталистических фабриках. Многие из того, что написано на этих страницах, еще до сих пор не устарело. И сейчас капитализм ухитряется доводить рабочий день детей и подростков до 10—12 часов, при грошевой оплате. В Америке, Японии, Китае, в колониях дети начинают работать с 5—6 лет. Никаких разговоров о соединении обучения с трудом на капиталистической фабрике и быть не может. Там детский труд используется только потому, что он дешевле.

Ленин развил идею политехнической школы. В своей статье «Первая народническая прожектерство» Ильич писал:

«... вместо себя представить идеал будущего общества без соединения обучения с производственным трудом молодого поколения; ни обучение, ни образование без производственного труда, ни производственный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту основу, которая требуется современными уровнем техники и состоянием научного знания».

Это писало задолго до революции. Но только Октябрьская революция дала реальную возможность строить политехническую школу.

на пороге
второго
десятилетия

квалифицированных рабочих, сейчас тов. Розенблюм извряд ли будет доказывать, что фабзавуч тормозит дело подготовки рабочей силы. Решения XVI партсъезда многих вывели из от навязчивых идей о негодности ФЗВ.

Овладеть высотами техники

Особенно велики успехи комсомола в борьбе за фабзавуч и последний год. За прошлый год фабзавуч вырос больше, чем в три раза. Сейчас фабзавуч насчитывает больше 500 тыс. учащихся. В этом году будет вовлечено еще 700 тыс. подростков. Растет удельный вес фабзавуча. Еще год тому назад фабзавуч по удельному весу составлял три процента всех рабочих. К концу этого года фабзавуч будет составлять семнадцать процентов всего состава рабочего класса. Еще год назад ФЗВ на отдельных заводах (Тормозной, «Красный протерлай» и др.) выпускали 10—20 человек и это было нормальным выпуском. В этом году выпуск отдельных фабзавучей равняется сотням.

Но было бы иллюзией считать, что мы на фронте фабзавуча уже выволакиваем решения XVI съезда партии. Школа ФЗВ еще не стала основной формой подготовки кадров. А для того, чтобы она стала таковой, нужны не только дальнейший количественный рост, но и коренная перестройка всей качественной работы.

Реконструктивный период, вступление в строй сотен новых предприятий, построенных на базе последних достижений иностранной техники, предъявляют к фабзавучу ряд совершенно новых требований. В восстановительный период ФЗВ готовили кадры для существующих и восставших заводских предприятий с более или менее стабильным оборудованием. В это время фабзавуч выпускал, в общем, человеческую продукцию неплохого качества. Комсомольская правда провела на IX съезде ВЛКСМ анкету. Оказалось, что основной заводской активностью сейчас является освоение с ответственной работой мастеров, бригадиров на производстве. На многих предприятиях наиболее важные цехи (например, инструментальный) в большинстве своем состоят из бывших фабзавучей.

Но реконструктивный период ставит по-новому вопрос о качестве. Фабзавучу нужно сейчас выпускать политически подготовленного рабочего-общественника, который не только владеет в своей новой техникой. Этой задачи фабзавуч не выполняет, работая на старом, изношенном оборудовании.

Вот почему сейчас со всей остротой встал вопрос о переходе части фабзавучей в цех. Только работая в цехе на новом оборудовании, соединяя этот труд с теоретическим, двигаясь в ногу с предприятием, фабзавучник придет на производство обогащенным знаниями и овладевший новой техникой.

Фабзавуч приходит к своему апофеозу с огромными достижениями. Но они не могут затмить большие просветы, которые имеются там. Крупнейшей просветкой является несудовместимая постановка общественно-политического воспитания. Общественные дисциплины в фабзавуче еще не занимают должного места. В целом ряде фабзавучей ограничиваются одним уровнем общественного воспитания в десяду качества производственного воспитания. Между тем, сейчас в фабзавуче вовлекаются новые слои молодежи из деревни и подуротерлаиских элементов города, задача политического и классового воспитания подростка приобретает особое значение.

Нужно тщательно проверить и проконтролировать программу фабзавуча для того, чтобы наполнить ее политическим и классовым содержанием. Нужно добиться, чтобы вся работа и учеба в школе была связана с работой и борьбой предприятия. Нужно перестроить методы учебы фабзавуча.

Многие передовые фабзавучи уже взяли за это дело. Фабзавуч завода «Красный протерлай» похоронил старую классическую систему обучения и перешел на активные бригадные методы. Вся школа работала на бригады, которые работают и учатся на основе социалистического соревнования и ударничества. Это дало удачные результаты. Небольшой опыт передовых, лучших фабзавучей передавать отстающим. До сих пор этого не было. В Москве наряду с прекрасными школами («Серп и молот», Тормозной, «Красный протерлай») мы имеем целый ряд остальных школ (транспортная школа ФЗВ, стройуч и др.). Почему же передовые школы фабзавуча не помогают отстающим? Почему форма общественного бужирера не используется в фабзавучах?

Перестройка ФЗВ будет лишь тогда действительной, когда ребята, работающие в цехе, и весь фабзавуч будут непосредственно участвовать в выполнении производственных задач и предприятия. Фабзавучата на производстве должны быть активными участниками ударных бригад, плановыми и рационализаторами.

Но из этого совершенно не следует, как думают некоторые, ликвидация в фабзавуче комсомольских и профсоюзных организаций. Некоторые товарищи рассуждают так:

Раз фабзавучата работают в цехе, пусть они и состоят в цеховых.

Это неверное утверждение. Прежде всего в цехе работает часть фабзавучей. Кроме того, фабзавуч—организация, требующая углубленного практического руководства. Это руководство должно осуществляться комсомольской ячейкой, коллективом педагогов и профсоюзом. Комсомольская ячейка и профком должны работать на основе цеховой ячейки, звонка и заводского комитета комсомола. Ликвидация же ячейки в фабзавуче сорвет работу над дальнейшим улучшением и развертыванием школы.

Борьба за фабзавуч продолжается

Некоторые товарищи думают, что борьба за фабзавуч кончена. Фабзавуч, мол, приняв основной формой подготовки кадров, а больше и не требовалось.

В автошколе им. Лозовского 150 фабзавучников вступили в ВЛКСМ. На снимке — один из вступающих

если **В капиталистическом мире** до сих пор на всей остроте перед детьми трудящихся стоит проблема, как «выйти в люди», как найти свое место в жизни,

то **У нас**, на сегодняшний день эта проблема уже в основном снята. У нас для детей рабочих, если они хотят работать на заводе и получить науку угодно и квалифицированную по своим способностям, такая возможность открыта... И их услугам:

- рабфаны,
- техникумы,
- вузвы,
- втузы,
- номвузы,
- научно-исследовательские институты...

Помогает, учитесь! Если они хотят заниматься общественной работой, то и здесь двери открыты, — милости просим! Мы видим исключительно чуткую, приносящую немалую заботливость Советского государства о трудящейся молодежи...

А. Носарев

Это неправильное мнение. Борьба за фабзавуч еще не кончена. Еще остались кое-где оппортунистические корешки. Некоторые хозяйственники до сих пор, несмотря на решение XVI съезда партии, продолжают преисбрежительно относиться к фабзавучу.

Именно в результате оппортунистического неведения фабзавуча был сорван капитальное строительство в прошлом году. Только оппортунистическим непониманием роля фабзавуча можно объяснить безобразия, которые творятся с февральским набором. Крупнейшие хозяйственные организации: ВАО, «Станкоминструмент», Союзстрой, Союзферф и др. палят о налед не ударили для того, чтобы подготовить февральский набор. На Автострое в Нижнем и на Тракторном в Сталинграде февральский набор был совершенно отменен. На «Сибкомбайне», где выстроена новая школа, до сих пор неизвестно, будет ли набор. Между тем школа, вмещающая полторы тысячи, обслуживает сейчас 750 человек.

Все это вызывает тревогу о судьбе февральского набора. Комсомол должен со свойственной ему энергией и энтузиазмом добиться не только выполнения им и первывполнения норм февральского набора. Февральский набор должен пройти под лозунгами реконструкции, дальнейшего укрепления и развертывания фабзавуча. Он должен способствовать действительному преращению ФЗВ в основную форму подготовки кадров из подростков. Под этими лозунгами и будет проходить десятая годовщина ФЗВ.

Школа ФЗИ

Б. Розенцвейг

Его тесная фигура казалась мелкой деталью фабричной трубы. Внизу, во дворе, стоял отряд низкорослых, упитанных полицейских, которые никак не могли приспособить свои винтовки для стрельбы вверх. Охота за человеческой дичью была в разгаре. Наконец, после долгих усилий один из полицейских, шкур от солнца, неловким движением вскинул винтовку и начал курок.

Грохот выстрела покрыл одинокий и сощипавший кровью человеческий крик. Жертва билась на гладко устланном асфальтовым ковром фабричном дворе, и полиция, прежде чем уложить ее на носилки, в качестве первой и самой скорой медицинской помощи торпаною накинута на нее наручники.

Происходило все это в момент забастовки текстильщиков в Йокोगама—японском Манчестере, славящемся выделкой самого толстого и самого прочного в мире шелка. Двадцатилетний рабочий Хирото, в знак протеста против нечеловеческих условий труда, забрался на огромную фабричную трубу, укрепил там красный флаг и, приставив ко рту на подобие рупора свою худую руку, стал выкрикивать революционные лозунги. Вызванная предпринимателем полиция подстрелила свою жертву, так как все предупреждения оставались безрезультатными.

Труба текстильной фабрики в Йокोगама не стала являем революционного движения Японии. Героический поступок молодого рабочего Хирото так и остался мелким, но характерным эпизодом, всплывшим отчаянно, свидетельствующим о том, как тяжело и невыносимо положение рабочей молодежи капиталистических стран, если она не находит себе еще выхода в общем потоке борьбы своего класса.

Рабочая молодежь капиталистических стран, прежде чем стать «пущенным мясом» эксплуатации в качестве взрослого рабочего, проходит суровую школу ФЗИ. Это не олимпиада. Поставые рядом школа ФЗИ и ФЗИ, и вы получите две системы воспитания и образования. Школа ФЗИ—это школа фабричного рабочего класса, где в течение года, полный курс обучения в которой является обязательным для рабочей молодежи капиталистических стран. В этих странах смешно говорить о какой-либо планомерной и целовой подготовке квалифицированной рабочей силы из молодежи. Такой подготовки так никто из «власть имущих» не интересуется. Повышение квалификации, обогащение знаниями, наконец, просто человеческие отношения,—все это вещи, о которых молодой рабочий может только мечтать.

Капиталистическая рационализация все больше и больше превращает высококвалифицированных рабочих в особую касту, торгующую своими знаниями. В текстильной промышленности Германии, например, где эксплуатация молодежи наиболее сильна, молодежь производит подобные работы при взрослых рабочих, работающих сдельно. Вследствие этого молодежь должна развивать ту же скорость, что и взрослый рабочий, получая при этом грошевую плату от самих рабочих. То же мы наблюдаем в угольной промышленности Англии, в стекольной промышленности Америки и в ряде других стран. Этой кратчайшей пример насаждения нехотины и эксплуататорских аппетитов внутри рабочего класса характерен еще и тем, что молодежь, как утверждает предприниматели, в данном случае «не имеет никакого отношения ни к капитализму, ни к профсоюзу».

Рабочий молодежь получает квалификационную зарплату из-под кнута, случайно, с большим трудом. Зато в обязательном количестве получает от богатейшей принудительной ассортимент фабрично-заводского издательства. Немедленно после этого, что, как сообщают солидный немецкий медицинский журнал, «в Германии принятой каждого третьего случая смерти является самоубийство». Впрочем, и самоубийство не дает выхода из положения. В Берлине на углу Фридрихштрассе и Унтер ден Линден, где проходит главный нерв уличного движения, бросятся под трамвай молодой рабочий. Попытка оказалась неудачной. Окровавленный и весь исцарапанный, он был привезен в участок, подобно допрошен и затем... привезен к ответственной за это, что померла удачливому дворянину.

Невероятная днина рабочего дня и низкая зарплата—на этих двух кнутах, держится вся школа ФЗИ. Рабочий день для молодежи почти повсюду равен рабочему дню взрослого рабочего. Это означает в Европе и в Америке—10—11 часов в сутках, в Китае и в Индии—12—14 и даже 18 часов. Зарплата же повсюду не только не равна зарплате взрослых рабочих, но даже не достигает уровня сколько-нибудь скромного прожиточного минимума. В Германии она сейчас на 20 процентов ниже того, что можно назвать житьем взрослого. Во Франции молодежь в среднем получает 14—20 рублей в месяц, отдавая назад в малую долю своей зарплаты в виде штрафов. В огромном большинстве предприятий молодежь, начиная чуть ли не с 10-летнего возраста, работает во вредных цехах или выполняет самые опасные операции, как, например, смазывание машин на ходу. Заесь умнее напомнить, что одних только убитых во время смазки машин на предприятиях Европы насчитывается 25 тысяч в каждую неделю. Не менее трагической является рубрика несчастных случаев на предприятиях. В текстильных фабриках Швеции, где работает в большом количестве молодежь, скорая помощь вызывается 125 раз в сутки.

Не испытывая особой необходимости в квалифицированной рабочей силе в связи с бешеной рационализацией и механизацией, капиталисты постепенно заменяют старых рабочих молодыми. Общеизвестно, что молодой рабочий остается без работы менее продолжительный срок, чем взрослый. В скобках заметим, что понятия «молодой» и «старый» весьма относительны. Так, например, в колониях широко применяется детский труд наравне с трудом взрослых. Официальная буржуазная статистика установила, что английский рабочий живет в среднем 46 лет, а индийский только 22 года. Очевидно, индийский рабочий по понятиям капиталистов, становится взрослым уже в 8—10 лет.

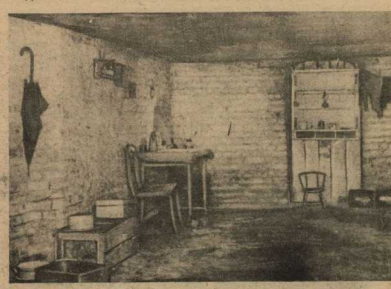
Процесс вытеснения более дорогого труда взрослых рабочих более дешевым трудом молодежи принимает сейчас стихийный размер. Самое характерное, однако, то, что и здесь капиталисты стремятся вытеснить из промышленности труд юношей и заменить его трудом девушек. Несколько ярких примеров: на крупнейшей обувной фабрике «Кайзер» в Берлине при введении конвейера все мужчины были заменены девушками, при чем выработка увеличилась с 400 пар обуви до 900 в день, а зарплата уменьшилась с 40 до 18 марок (марка—поттинник) в неделю. На другом немецком предприятии было сразу сокращено 240 квалифицированных токарей и, вместо них, было принято столько же неквалифицированных девушек. На текстильных предприятиях Уаана работают 2500 юношей и 17500 девушек. В Австрии на предприятиях широко применяется труд женщин-подростков, при чем в Виздорфе, например, предприниматели спровоцировали девушек на повышение производительности труда, назвав премией «пантук шоколада». Эта-то «пантук шоколада», т.е. сравнительная легкость, с какой девушки-работницы поддаются эксплуатации, и заставляет предпринимателей держать на них курок.

Несмотря на такое положение, безработица среди молодежи достигает огромных размеров. В Германии и в Америке сейчас по одному миллиону молодых безработных, в Англии—500 тысяч. В большинстве стран молодые безработные не получают пособия; там же, где это пособие выдается (напр. во Франции), оно выражается в «гигантской» сумме—15 коп. в день. На фоне всех этих цифр и фактов явным издательством звучит следущая надпись, повешенная администрацией над воротами одной из карадашских фабрик Берлина: «Здесь можно не умереть с голода».

Все эта суровая школа ФЗИ ученивается для каждой страны еще особой системой—или законом о принудительной трудовой повинности, вроде вводимой сейчас в Германии, или специальными курсами для «восстановления физического и морального состояния безработной молодежи, основанными в Англии. В последнем случае ларник открывается весьма просто. Военный министр Англии Том Шоу поднял крик по поводу того, что физическое состояние рекрутов, вербующихся, главным образом, среди безработной молодежи, находится на угрожающе низком уровне. Вот откуда курсы «восстановления физического состояния».

А «моральные состояния»? Здесь дело обстоит еще хуже (разумеется, для буржуазии и ее агентов).

«Вы употребляете первую половину своей жизни на то, чтобы основательно испортить вторую,—настоятельно твердят рабочей молодежи руководители школы ФЗИ.
— Нет, нет и нет!—ответают ни в каждом часом все более уверенно и твердо их непоследующие ученики.—Мы употребляем первую половину своей жизни на то, чтобы основательно исправить вторую!»

В такой дыре приходится жить немецкому рабочему со своей семьей

стачка

А. МАГИЛ

(перевод с английского)

Эта поэма была написана по случаю забастовки шахтеров в Колорадо (Сев. Америка) осенью 1927 г. Забастовка происходила в шахтах «Топливной и коксовой промышленности», принадлежавшей Ронфеллерам, и отличалась чрезвычайной жесткостью со стороны государственной полиции, убившей нескольких рабочих. На фоне стачки рельефно выдвигалась драматическая фигура девятнадцатилетней девушки Миллы Саблич, известной под прозвищем «пламенной Миллы». Она агитировала рабочих, вела их за собой и бесстрашно сражалась с полицией.

Поэма начинается видением жертв лудоусной бойни, идущих от шахты к шахте и сожженных рабочих. Это было в едальное воскресенье 1914 г. в Лудлоу (Колорадо), в шахтах той же компании Ронфеллеров; правительственные агенты, расстрелявшие юного Луиса Тайнаса, вожди стачки, повернули беспощадные пулеметы против палаток шахтеров, убив и ранив множество мужчин, женщин и детей.

1

Снелеты Лудлоу маршируют опять.
Их гладкие ности блестят на солнце,
И в шахтах гремит могучий призыв
Надолго идущего вперед снелета.
Он гремит страстным голосом лудоусной бойни,
Он взывает к оставшимся в живых в Лудлоу:
Восстаньте, вспомните свою горькую ошибку
И научитесь быть сильными, чтоб победить.

2

Пулеметчики, солдаты, полиция
(Занон, занон, защищающий богатых).
— Все мы—братья, Христос—король мира.
Шахтер, подставь другую щеку
Поцелуй пули и грубой ласке
Дружелюбного солдатского кулака.

25 февраля—
международный день борьбы с безработицей

3

Жизнь, поверни назад!
Свернись и понижки, как использованная вещь.
Бездна ждет, чтобы поглотить твою хныканье,
Ловушка—чтобы поймать твой мятеж,
А для твоего голода есть твоя собственная грязная кровь.
Хочешь музыки? Слушай стук усталого сердца.
Хочешь любви? Ирысы верны тебе.
Назад, жизнь, назад! Здесь твои господа—всемогущие
Ронфеллеры.

4

Вообразите лицо шахтера: глаза, нос, рот, уши; волосы.
Вообразите, как он смеется, ест, пьет, спит,
Радуетса, сердится. Вот он болен, вот он работает,
Вот он целует другое лицо, вот целует его.
Вообразите теперь это лицо, разрубленное пополам
Вообразите, если только вы это можете сделать.

5

Что вы знаете о девушках-шахтерках?
Что вы знаете о дочерях и невестах шахтеров?
Милла Саблич—так зовут девятнадцатилетнюю девушку.
Милла Саблич говорит на митингах, ободряет, призывает
и борьбе.
Сражаясь во главе линии патрулей, она выкрикивает
бодрый вызов.
Избитая, затоптанная, вся в крови, попадает она в боль-
ницу: половина ее тела парализована.
Милла Саблич снова говорит на митингах, призывает
и борьбе снова и снова.
Милла Саблич—так зовут девятнадцатилетнюю девушку.

6

СТАЧКА
Вотните это слово в шапку вместо фонаря.
Громя воез пасхальное воскресенье Лудлоу.
Плач женщин, рыдания детей в палатках.
А Снелеты Лудлоу снова шагают. Снелеты Лудлоу поют:
«Вставай, пропляшем заклеименный,
Весь мир голодных и рабов»
Луис Тайнас. Милла Саблич.
Живые Лудлоу идут и зовут:
— Бросьте ваши кирки во иглу, сломайте их!
Фонарь шахтера—сигнал и борьбе:
СТАЧКА.

Фабзавучицы за измерением деталей на токарном станке

Ян. И.—н

Перед новым под'емом

Простой перечень новых форм труда и организации производства, возникших за первые два года пятилетки; простой перечень ведущих, передовых заводов и колхозов страны, инициаторов различных форм соревнования и дальнейшего подъема творческой активности масс трудящихся—особенно показателей, впечатляющих и грандиозных в сопоставлении с хроникой мирового кризиса, хроникой нарастающей безработицы, хроникой стачек и локаутов в странах капитала.

«Страна без безработицы—и 30 млн. рабочих за воротами капиталистических предприятий, озлобленных голодом, удрученных застойной безработицей, подавленных гнетом капитала; прирост промышленности и продукции в 25 проц. за год—и такое же или приближающееся к этому падение производства в странах капитала; соревнование, ударничество, встречи и конкурсы—и повседневные классовые бои за каждый пеннинг, шиллинг или цент в Руре, Уэльсе, Детройте. Таковы исторические факты классовой борьбы, бросающиеся в глаза каждому пролетарию, каждому трудящемуся.

Это ли не лучшее оружие против всего строя капиталистических отношений, за социализм, за диктатуру пролетариата? Это ли не лучший стимул для дальнейшего развертывания соревнования, для дальнейшего развертывания борьбы за большевистские темпы строительства в стране пролетарской диктатуры?

В отчетах комитета при президентской конференции по безработице губерноры, пытались подбодрить самих себя и своих сограждан, старательно доказывают, что все «в порядке» и что никаких особых изменений в стране не произошло (мировой экономический кризис, 10 млн. безработных, крах «продветания», очевидно, у них не идет в счет). Они патетически сообщают: «Каждое поколение думает, что оно находится на пороге новой экономической эры, эры коренных перемен». На самом же деле—все силы пыжаты присяжные окочирители—ничего нет нового под дуной». И эта до дыр затасканная, протертая, в заплатах мудрость сочится из официальных правительственных отчетов передовых капиталистических стран, заглядывающих в спящих кризиса. Но не сматывать им эти, не вытравить из сознания масс трудящихся того факта, что весь капиталистический мир действительно стоит нака-

нуне эры назревших и неизбежных коренных перемен, не вычеркнуть им того факта, что страна Советов—шестая мира—вступила в новую общественную эру, в период союзов и альянсов.

Преимущества социалистической системы хозяйства, вызвавшие к жизни такие силы, темпы и возможности, о которых и мечтать не может капитализм,—отчетливо и рельефно, с предельной резкостью выдвигаются в сознание трудящихся всех стран, рас и наций и становятся гигантской силой, вдохновляющей их на борьбу против капитализма.

Сознание того, что мы вступили в период социализма, что мы завершаем фундамент социалистической экономики в текущем году, что мы создаем бесклассовое общество, новый общественный уклад, уничтожающий нужду, бескультурье, эксплуатацию человека человеком, что мы маяк для всего человечества—в огромной степени умножает энергию строителей социалистического общества. И только люди, порвавшие с марксизмом, только те, кто окончательно увязли в болоте оппортунизма, наподобие печальных героев право-левого блока (Сярович, Ломинадзе, Шацкий), могут болтать о «закреплении полезной инициативы рабочего класса», о «бюрократизации, ограничивающей и суживающей размах творческих сил рабочего класса», автоматически связывающей инициативу ценных групп рабочих и хозяйственников», о том, что «чуть ли не каждая положительная творческая идея рабочего класса обязательно через некоторое время получает в порядке какого-то автоматизма извращения».

Лучшим ответом оппортунизму всех мастей и рангов являются те творческие идеи рабочего класса, которые, став достоянием масс, сыграли решающую роль в перевыполнении планов двух первых лет пятилетки.

За первые два года пятилетки в области социалистической организации труда и производства мы имеем сдвиг настолько значительный, что опытный рабочий классом за эти годы, несомненно послужит базой для дальнейшего увеличения темпа социалистического строительства, для выполнения пятилетки в 4 года.

За последние два года мы имели:

организацию социалистического соревнования масс и широкий подъем ударного движения,

особенно после первого всесоюзного съезда ударников (декабрь 1929 г.) и ленинского призыва в ударные бригады (январь—март 1930 г.);

введение непрерывки

и пятидневной недели, значительно увеличившей производительность использования всего надличного и вступавшего в строй оборудования;

образование ударно-номиналистических цехов и массовое вступление лучших ударников в партию,

свидетельствующее о все продолжающемся и нарастающем укреплении неразрывной связи партии с классом;

рождение производственных коллективов и коммун,

вырастающих на базе дальнейшей механизации производства и переделки социальной психологии масс.

организацию общественных бускиров,

включающих в себя живым воплощением формулы Сталина о творческой помощи отстаивающим со стороны передовых для того, чтобы добиться общего подъема.

создание сквозных бригад

по принципу производственной последовательности операций, связывающих воедино всю цепь ударных бригад в данном производственном процессе;

развертывание борьбы с потерями,

на основе паспортизации оборудования, организации всесоюзного сбора предложений, как основу встречного промфинплана;

плановые бригады,

включающие массы рабочих в борьбу за доведение плана до станка и разработку ответного плана от Госплана;

шефство действующих заводов над новыми станциями,

над капитальным строительством, борьбу за наиболее эффективное использование сил, средств и механизмов;

заводы-вузсы и учебные комбинаты,

втягивающие всю массу рабочих в решение проблемы кадров; и, наконец,

всесоюзный конкурс на лучшее предприятие,

организованный большевистской печатью, который должен поднять на огромную высоту задачу обмена общественно-политическим и производственно-техническим опытом предприятий.

О чем это говорит?

Весь этот гигантский опыт, накопленный рабочим классом в первые два года пятилетки, говорит о колоссальном размахе творческой инициативы рабочего класса, направленной на выполнение пятилетки в кратчайшие сроки. Весь этот опыт свидетельствует о самоорганизации величайшей производительной силы—самого революционного рабочего класса.

Но значит ли это, что все уже сделано, что творчество рабочего класса можно приостановить, что теперь остается только закреплять накопленное и ничего больше?

Презренной обывательской мудростью несет от подобных рассуждений. Мы будем смеяться с дороги соревнования бюрократическое «изобретательство» ретивых «военизаторов» соревнования, объявляющих каждую десятидневку то «анонадку цехов», то «маневры агрегатов», то «штурмы маргенов», то еще какую-либо игру в солдатик. Такое опознание соревнования и подмена действительного участия действительных масс трудящихся пустопорожней талматей способны лишь затормозить поток подлинно нужной рабочей инициативы и дезорганизовать настоящее соревнование.

Считать, что имеющиеся уже и получившие массовое распространение формы соревнования вместо дальнейшего совершенствования и развития должны окислеть, застыть—могут только люди, оторванные от революционной практики рабочего класса, от жизни и деятельности пролетариата.

На основе наших успехов, в процессе преодоления трудностей роста неминуем новый гигантский подъем рабочей инициативы, неизбежен новый взлет творчества миллионов. Первые толчки, первые сигналы нового взлета рабочей инициативы мы видим в борьбе ударников за освоение новой техники и механизмов, в создании конвейерного кольца соревнования между кооперированными по ходу производственного процесса заводами (предложение завода № 1), в рационализаторских счетах бригад и предприятий, в организации всесоюзного большевистского похода за качество, в шефстве комсомола над электрификацией.

Механизация, освоение новой техники

— вот во что углубляется сейчас все отрасли народного хозяйства. Ликвидация безработицы и вызванная этим острая нехватка рабочих рук приписывают темпы механизации. Важнейшей проблемой третьего года пятилетки, главной задачей соревнования становится задача механизации всех отраслей народного хозяйства, задача освоения новой техники и механизмов, их наиболее эффективного использования.

Прорывы на предприятиях в очень большой степени зависят от связанных между собой по ходу производственного процесса заводов, Принцип кооперирования заводов на основе их специализации играет огромную роль в деле борьбы за промфинплан завода, треста, объединения.

Предложение об организации социалистического конвейерного кольца между бригадами в цехе, между цехами внутри завода и между кооперированными заводами, по ходу производственного процесса

— это предложение, выросшее на базе опыта сквозных бригад, соединенных с общественным бускиром, во время переборной кампании советов на заводе № 1, является также новым словом в соревновании, которое должно быть поддержано всеми предприятиями страны.

Борьба за качество и за показатели производительности, за мобилизацию всех внутренних ресурсов немисдим без вовлечения масс, без создания рационализаторских счетов самим себе, заводчато-поставщикам и заводчато-потребителям, без превращения массовой рабочей инициативы в основу деятельности всех ударных бригад, всех организаций пролетариата.

Шефство комсомола над электрификацией,

привлечение общественного внимания к узловому звену контрольных цифр,—энергетике, распространение основных технических знаний среди населения должно сыграть такую же роль в народном хозяйстве, как и опыт шефства комсомола над Красным флотом, как и участие его в плановых мобилизациях рабочей силы на узловые участки строительства (уголь, транспорт, лесозаготовка, аэослав и т. д.).

Несомненно, что ближайшие недели и месяцы принесут с собой новые и новые формы проявления творческой активности масс, которые должны быть своевременно возглавлены профессиональными и хозяйственными организациями. Огромны задачи профсоюзных и хозяйственных организаций. Огромны задачи профсоюзных и хозяйственных организаций в соревновании и ударничестве, в укреплении дисциплины и единоначалия на предприятиях, в очищении соревнования от бюрократических измышлений, в поддержке и поощрении подлинно-массовых форм и методов соревнования. Чрезвычайно велика роль печати, особенно фабрично-заводской, в организации широкого поставленного обмена общественно-политическим и производственно-техническим опытом. Опыт издательства ВЦПСИ, издавшего уже несколько десятков книжек масс ударников о борьбе их бригад и цехов за промфинплан, с еще большей силой подчеркивают необходимость постановки широко разветвленного и детализированного (по отдельным профессиям, отраслям промышленности и союзам) обмена опытом.

Движение миллионов имеет свои законы.

Мертвую поступь железных батальонов пролетариата не удастся заглушить паникером и ренегатом воплями о трудностях. Творчество масс не удастся дискредитировать пошлыми теориями о «закреплении инициативы рабочего класса». Растущая активность масс, опирающаяся на расчеты ардегетей и интервентов, все установивших правых и левых оппортунистов, сминающая носители антипартийных течений—неминуемо должна привести нас к полной победе коммунистического труда.

Ученики школы ФЭУ Электростанции за работой на новом сверлильном станке

ОХОТА НА СУКОНЩИКОВ

Як. Рыкачев • Рис. Люшина

От автора. Настоящий рассказ представляет собою воспроизведение подлинного эпизода из истории русского рабочего движения в конце первой половины XVIII века и написан на основе соответствующих исторических свидетельств и документов.

I
На суконной фабрике «Ефима Болотина с товарищи», что в Кадашах, за Москвою-рекою, в приходе Космы и Дамны, на старом денежном дворе, приключился в утро 11 июня 1749 года странные и лихие дела. Записанные при той фабрике начево по сиде именованного указа 1736 года рабочие люди, числом более восьмисот, внезапно с таким умыслом оставили работу и разбрелись по московским слободам. На увещания хозяев отвечали словами наглости и непотребными, а дерзкой раб, ткач Терентий Афанасьев сшиб с ног долой хостина Бабкина, а у хозяина Болотина вырвал из рук дорожку заморскую зрость с фарфоровым набадлашиком и бросил о землю.

Порешили фабричные немедля подать в Мануфактур-коллегию, в ведении которой все сие дело находилось, объявление о том, что рабочие люди упрямством своим работать не хотят и самовольно с фабрики сошли, и чтобы объявленным рабочим людям, когда пойманы будут, за их своевольство и непослушание учинить наказание: малолетним—место кнута плетью, а не малолетним—десятого бить кнутом.

— Да что до кости, до кости, до кости!—скаля черные корешки зубов приговаривал компаньон Бабкин, человек дожест старший, тощий и сердитый, любивший являться под царя Ивана Грозного, с которм и в самом деле была с лица несколько схож: такие же мутные, словно избитанные, глаза, острый нос с горбином, тренная борода, худая, жнистая шея.

— Уж не иначе!—густым басом поддеживала адвок компаньона Носырева, не гораздо слегка наболенная, науманенная и наумрленная, женщина из себя хоть и не видная, но большой силы, имевшая прелестную слабость собственноручно парить малолетних ребят фабричных за несские их проступки. Случилось раз, что один малец обиды не снес и шаршу хозяйку ножом, да только нож в одежду зарылся и застрял. Так что же—до смерти запора!

Мануфактур-коллегия, прочитав болотинское объявление и выслушав нумстые рассказы фабричных о приключившейся на их фабрике беде, пришла в большое смущение. Да и то скажут! Гробежи и разбоян на московских улицах хоть и поухили, а не переводятся, в уездах гуляющие люди по сию пору без заарения жгут и грабят обывателей в их домах,—а тут еще с тыщу фабричных по городу разбежались, народ буйный, дерзкий, опасный... Как бы не пошел опять по Москве из конца в конец красный петух гуады!

Московский генерал-полцеймейстер, получив донесение Мануфактур-коллегии, в тот же час отрядил особую команду для поимки беглых фабричных, с капитаном Иваном Павловым во главе. Приказано было тому капитану в кратчайший срок представить взбунтовавшихся суконщиков обратно на фабрику. Рассудая, что днем суконщики в разброд по всему городу обгортают, капитан Павлов положил производить поиски по ночам.

На город Москва походила мало. Каменные, господские дома были наперечет и стояли в глубине дворов, огражденных глухими

заборами. За этими заборами расположены были разные господские угодья: сады, парки, пруды, пустыри, дуга, а иной раз и пашни. На улицах же в великом беспорядке, а не так, чтобы одна к другой, стояли обыкновенные крестьянские избы, нередко курные, черные, с деревянными трубами, крытые тесом или дражкой. Простой народ ел тут хлеб пополам с соломой, спал на полу, в дыму, вместе с телатами и овнами, а летом и осенью—на улицах, где посуше. Грязь стояла в Москве невылазная. Ни проходу, ни проезду. Одна только большие проезжие улицы были мощены камнем, а прочие либо гнилыми бревнами, либо вовсе не мощены. Вскочу вольготнее было свиньям гуаю, уткам барахтаться в никогда не усыхающих лужах. Зато тяжело приходилось хмельным людям, не находящим в темной юности дороги домой. Грязь было столько, что ее с каждой улицы по несколько сот телег свозили на господские дворы для удобрения садов.

Вот в эту-то грязь московскую, невылазную, в великую путаницу изб, домов, палат и церквей каменных, развалин, еще дымившихся после недавних пожаров, ныря съезжонно со своею командой капитан Иван Павлов. Был он destino огромного росту, рыжий, краснорыжий, нескладный, сильный как вол и притом занкуша. Шаг имел двухаршинный, и солдаты еле поспешали за ним бегом.

Две недели рыскал комендант по ночной Москве. В первую же ночь были приведены в полицию двенадцать суконщиков, снятых со стругов, пришедших в Москву с товарищи из низовых городов. Ознамененные суконщики намылились к хвостам стругов и бурлаки с тем умыслом, чтобы к осени с ними в низовые города отплыть и наварки от постылого фабричного труда избавиться. В следующую ночь, в Татарских банях за Москвою-рекою обнаружены были беглые в числе шестнадцати человек и при них несколько ружей и пороху. Они пытались было учинить сопротивление, так что пришлось им очку взять и в таком виде, как разбойников, под пристыльным караулом отправить в полицию. Много суконщиков было взято в городских притонах, в ночных фортиках-харчевнях, в Зарядье, в Немецкой слободе, в селе Черкизове даже, что в семи верстах от Москвы. К концу второй недели скопилось их всего в полицию триста восемьдесят один человек.

Б-больше искать неч... уе д-дыри об-блания... как с-скрозь з-землю п-прывалились... хушь ници, хушь нет...

II

В утро 26 июня пзд большим караулом повели суконщиков из острога, что при полицмейстерской конторе, за Москву-реку, в Кадаши, на фабрику. День выпал ясный, жаркий, без облачка в синем небе. Борзуют тысячи голубей на крышах, слетают на землю, клуют золотое зерно, щедро раскиданное по черной грязи. На широкой, будто деревенской, улице стоит неугнетый сухой шестет многих тысяч крыл, звон бубенчиков на распянных дугах, гуаусвое пенье слышен, истинный вой кандалычнов, просящих подаяние, зызывные

В первую же ночь были приведены в полицию двенадцать суконщиков...

крики торговцев, всеядные визги ребятских; тревожный восторг стражей, то кружащих вокруг белой колокольни с синим, как снытья, куполом, то вырывающихся в небесную высь.

— Водуй! Водуй!
Распахнулись ворота, и будто огромный, грязный, свалывшийся ком лохмотьев вывалился на черную улицу: то повелел на болатинскую фабрику четыре сотни белых сукончиков. Шли они в колыхе солдат, с трудом выходя в босые ноги на круто замощенной улиценой грязи. Шли понауре, с тусклыми, полусонливыми взорами гаубоко ввалившихся глаз, с землистыми лицами, в раздранных рубищах. Несколько солдат с обнаженными шагами, завязавшие за руки и заняв полкерь всю улицу, гляли перед ними народ, притиснувшийся было к караулу. Взметнувшись ввысь, голубиная туча, застыла на мгновение солнечный свет и покрыв землю широкой движущейся тенью, понесли испуганные кони, бешено называя бубенцами, завизжали бабы, заковыляла кандалыница, ринулась в стороны разная домашняя живность, резвые куры, роняя перья, забились гурьбой в родные ворота.

На подороге, на Негалиной доме как проходили мимо деревяного, из прогнивших бревен, господского дома о двух атаках, капитан Павлов, шедший вперед, гаркнул зычным своим горлом:
— Ст-той!

От неожиданного окрика фабричных шатунов, иные даже на землю попадали: притиснулись люди, ног под собою не чуяли.

Из раскрытых настежь ворот, со двора, по колесу покрытого грязью и всеческими нечистотами, съезжала роскошно разодетая и ослепшая драгоценностями барыня в раззолоченном экипаже, который тащили шесть скверных кляч в грязной упряжке, с нечесаными лакеем на запятках.

— Ш-шай дальше!

Вот уж и Каменный мост миновали, вон и Кадаши показались, а там и суконный двор, и прокатные полуныне фабричные палаты с маленькими, будто острожными, окошками, с духом сырым и затхлым, как в могиле, с деревянными ставнями, опустевшими, словно каторжная цепь.

Когда всходили на фабричный двор, стоном застонали суконщики и подальше назад: так пятались бить, ведомый на заклание.

На дворе суконщиков ждали хозяева.

— А ну-ка, п-принимай, г-господин купец, с-своих в-верно-подданных!—отнесся капитан Павлов к Болатину.

— Живу к станам!—бешено крикнул Болатин.

Никто не пошевелился. Уставя глаза в землю, хмуро молчали суконщики.

— Чего-ж ты, Болатин, спленишь,—раздался в тишине вкрадчивый и злой голос Бабкина—надо спервоначалу с дорогами гостями поздравоваться...

Бабкин быстрыми, мелкими шажками подбежал к толпе фабричных и несколько раз поклонулся им в пояс:

— Добро пожаловать, дорогие гости, сукинны дети, пси воиночье, гадь полудичь, паскуды чертова, голы фабришнай! А тебе, Терентий,—обратился он к стоявшему впереди ряду молодому рослому суконщику с мужественным и мрачным лицом,—тебе особый поклон, особый привет, раб лукавый, гинда смердащай! Ст-ой, брат!—визнузил он вдруг, пригнув обиду.—Поубавят еще тебе лишних поздрав, выгладят списку кнутом, обречут лоб, выжгут гербу на роже! Отгулял свое—и будай! Теперь на нашей улице праздник!

— Эй, отойди, хозяин, не вводи в грех,—спокойно и грозно молвила суконщик, поводя рукой с огромным кулаком в сторону Бабкина, Бабкин испугавшись страшно—аж побелел. Он проворно отбежал к капитану Павлову, судорожно сцепился цепкими своими пальцами в рукав его офицерского кафтана и завопил:
— Стреляйте в него, стреляйте!

Капитану Павлову вся эта возня прискучила. Он быстро выдрал свой рукав из кофты Бабкина и объявил шлупу.

— Я и по-кажу вам б-бесчичничать! Л-лупи п-при-кладлади! З-загоняй в палаты! Жива-а!

В палаты суконщики пошли, но к станам не встали. Такой был у них уговор и блюли они его твердо.

В тот же день Болатин опять явился в Мануфактур-коллегие и подав доклад от фабришайтов объявление о том, что суконщики, возвращенные плетью на фабрику, упрямым своим и работе неидут и читают им противно.

По прошествии немногого времени Мануфактур-коллегия, не найдя никаких средств, что чинить с ними, отнеслась к сенату и рекомендовала, сославшись в дальние города и в смысле вечно, дабы прочие имели страх и вперед на подобные дела не дерзали.

Но сенат, не согласившись с мнением Мануфактур-коллегии, вынес 7 июля определение, по коему «десятого человека из упомянутых суконщиков бить кнутом, а после того, заковы в кандалы, сослать в каторжную работу, а остальных осужденных наказав пятами по велению весте, в палаты и к работе принудить».

8 июля, в праздник казанской божьей матери, на Большом суконном дворе наказывали фабричных кнутом и пятами, заковыляли в кандалы и снарижали в сымаку. Толпы любопытных облепились на торца и закружили всю местность. Купцы с жеман и детьми в праздничных одежках глядели на казни с высоты окрестных колоколен, хозяев Болатинской фабрики—с колокольной церкви Космы и Дамиана, коей были верными и тароватыми прихожанами.

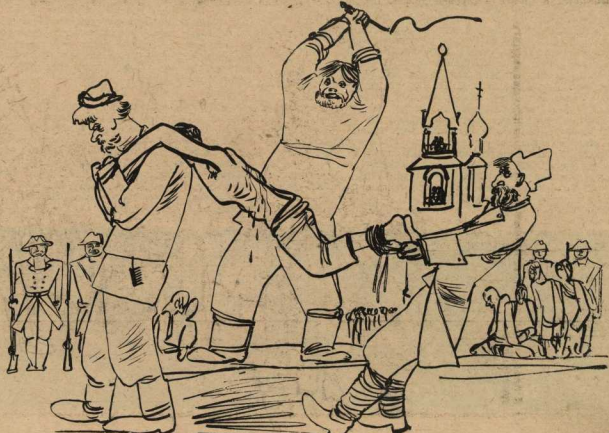
Первым терзал главного зачинщика, ткача Терентия Афанасьева. Вот уж истинным праздником, пощине казанской божьей матери, было сие зрелище для содержателей Болатинской фабрики!

Афанасьев, обнаженный по пояс, ложился на спину помощника палача, стоящего посреди двора во весь свой саженный рост, и обхватывает его шею руками. Тот крепко сжимает его руки у себя на груди. Ноги наказываемого связывают веревкой, которую держит другой помощник, становившийся лицом к первому. Палач—кнутовой мастер—отходит на несколько шагов, взмахивает кнутом обеими руками над головой и с громким криком приближается к суконщику, опуская кнут ему на спину. Ударяя, кнутовой мастер смывает приставшую к кнуту кровь и кожу. Спина растерзана до обнажения кости от плеч до локтей. Мясцо и кожа висит клочьями. Еще два десятка ударов—и тело суконщика безжалостно повисает на спине помощника палача.

— Следующий!

С девяти утра до поздних сумерек длилась кровавая расправа. Трое фабричных умерли под кнутом. Уже закат отпылал и желтая луна утесил на прест колокольной Ивана Великого, когда кнутовой мастер в последний раз взмахнул жезлами своим кнутом. Опусти суконный двор, разошлись любопытные, развели по острогам истерзанных фабричных. Тогда светлеется в несметном числе вороне на кровавую свою траву. Уже ночь, до рассвета, стоя в черной тьме сухой шелест черных вороних крыл.

До поздних сумерек длилась кровавая расправа...

ПАРНИ С перспективой

М. Касинов

...Молодой тракторист Зиберт вышел в поле, дал машине прямое направление по борозде и преспокойно заснул... Напоминание: на войне сон на посту карается расстрелом.

Тракторист-комсомолец Еубужский вышел в поле, дал машине прямое направление по борозде и... сошел с трактора лишь через 24 часа. Несмотря на усталость, он дал превосходное качество пахоты.

В столкновении героями с азиатчиной проверяются люди. Цифры становятся живыми, арифметика наполняется кровью, каждая цифра имеет свое лицо: цифра — героиня, цифра — полководец, цифра — предбачка, цифра — предатель.

На север и на юг развернулись степи Казахстана. Новыми цифрами отмечен край, называющийся /силами, край, который должен стать величайшей в мире фабрикой мяса.

По плану к 1 октября 1930 г. по всему Казахстану должно было быть организовано тридцать совхозов /Скотовод/ с площадью 6 млн га. На деле к 1 декабря организовано сорок три совхоза с площадью в 8 млн га.

Сухие цифры свидетельствуют о том, что и на животноводческом фронте партийный класс перешел в социалистическое наступление. В этом наступлении казакстанский комсомолец сыграл далеко не последнюю роль.

Под снежным ковром на границе Сибири и Казахстана горит тысячами огней учебно-опытный совхоз. В пустынной степи этим летним выросли многоэтажные громады домов, планируются целые улицы, вытаскивают железом и сталью новые мастерские. Здесь, в техникуме социалистического земледелия, готовятся специалисты средней квалификации, — безудные парнишки, в прошлом полуаграрный народ, сегодня они двинуты волею Ленинского комсомола на фронт животноводства, призваны поставить на этих пространствах дело снабжения страны мясом.

Секретарь комсомольского коллектива учебно-опытного совхоза, скромничка, говорит:

— Мы построили в 1930 г. зданий на три миллиона рублей, закончили строительство до срока. Мы построили в 1931 г. еще на четверть с половиной миллиона рублей. Промфинплан совхоза выполнен на 142 процента. Причина успеха: мы сколачивали и сколачиваем на это дело огромную многотысячную массу батрацкой молодежи.

Иностранец проезжал через учебно-опытный совхоз — британя парень в диковинных остроносных ботинках. Он долго осматривал совхоз, затем остановил секретаря комсомольского коллектива и сказал:

— Вы — богатырь, сэр, как сам дьявол. Вы держите в руках своих молодых фантастов. Но если вы так же крепко будете держать в руках свои мозги, тогда вы — парни с перспективой.

— Олл-райт! — шуточно сказал секретарь и слегка покраснел. Он вычитал это слово в руководстве г. Катеринилеру, и сам удивился. А в это время тревожно махали ему из тракторной мастерской и громкий мат возносился к небесам на четвертом участке: комсомолец Федоренко опять свалил машину в яму.

Гомон и гуд на комсомольских собраниях не утихает никогда. В тот момент, когда совхоз бьется за первенство в конкурсе на лучшее предприятие, самовольно бросают ответственные участки—including из комсомольской организации, но зато показави свое настоящее лицо лодыри и пьяницы, вставшие на их защиту.

В дни, когда жиды вздувались от напряжения, когда вместо прежнего одного удара требовалось пять, приходили такие комсомольцы в контору и говорили:

— Гони расчет...

- Ешь мало, что ли?
- Нет, ем хорошо...
- Мизерный разве?
- Нет, валенки имею...
- Что же тебе надо?
- Так... Потнуло на родную сторуку...
- А на родной сторуке сколько платят?
- Парень радостно оживился: — На 1 р. 70 к. больше...

На собрании «разрешает» активист Лавриченко:

— Животноводство — штука важная, но как же я буду развешивать совхоз, ежели у меня в брюхе словно псы воют? И поэтому я одобряю тех ребят, которые уходят из гилобого места, уноса с собой клычку /летуны/. Не бойтесь, летуны! Голодный парень это съест. Всем совхозам рассылаются консервы с остригой. А о нас забыли. Вот откуда /летуны/! Вот откуда идет позорная женская политика!

В дни прорыва в промфинплане на передовые позиции вышла строительная «легкая кавалерия». Нехватало строительных материалов.

«Легкая кавалерия» раскопала у кладовщика Дуды 3,000 тонн цемента, 670 тонн алебастра, на 100,000 рублей дефицитных инструментов. Тогда в совхозном «Бюллетене прорыва» № 1 появилась статья без подписи, направленная против «легкой кавалерии»:

— Заведующему техникуму было поручено использовать студентов для работы на строительстве, а он увлекся организацией «легкой кавалерии» для работы. Надо делать не рейды «легкой кавалерии», а ликвидировать прорыв. Довольно проверять!

— Так разноеобраз правый «стиль». С такой же доводностью правые запретят завтра заниматься и «всем» там ударничеством. Но люди борьбы сильнее мелкотравчатых стазек без подписи. Глубокие борозды режет «Джон-Дир», «Интернационал», «Катеринилер». Комсомольцы делают свое дело, — прекрасная галерея великих дел возвращается на вечере премирования лучших ударников.

Вот они сидят на длинной скамье расом — ударники и предатели: Шофер Калей, Чомбы не работают, ночью выннчивали лампочки, сломал валик масляного насоса, расплавил подшипники.

Шофер Ядыханов. С момента работы на машине ни разу не требовал выходных дней. Прошел трактором 25,00 км, не сделав ни одной поломки.

Шофер Сергеевич. Для «завбав» пустил на трактор неопытного мальчишку и свалил машину в яму. Всегда старается получить работу «полечее».

Шофер Аисов. Несмотря на малограмотность, показав себя честнейшим ударником. Он получил старую поломанную машину, но работал на ней без всякого ремонта до конца сезона.

Теперь всем ясно /звонит, выставленный организацией совхоза на третий год пятнадцати:

«Ядыхановы должны победить Калеев».

— Нет цели, в которую не пытались бы пролезть бай, предатель, классовый враг.

Одна из таких целей — национальный прорыв.

Недалеко от Датыш-Эмелского правления стоял древний мусульманский памятник из жженого кирпича. Векские дубы склонили над ним свои ветви. Где-то вдали грохотала в кузницах новая жизнь. Но вдруг «по приказу свыше» всторглся под ветви дубов люди с кирками и лопатами и начали разрушать памятник.

Враг подстерел. Неслыханный национальный конфликт разразился в совхозе по линии головокотлов, которые решили, видите ли, использовать жженый кирпич для строительства.

Но это не остановило шовинистов. Десятник Лебедев организовал несколько налетов на аулы, устраивая самовольные обскис.

Десятник Кашин зверски избил молодого казака. Десятник Пешнищев на просьбу о приеме на работу четырнадцатилетнего казачка ответил:

— Раз я не беру русских, то казакон мне и подавно не радю.

Молодые казаки стали разбегаться из совхоза. Великодержавный шовинизм грозил срывом подготовки национальных пролетарских кадров. Комсомольцам надо немедленно вступить в бой с воинствующим великодержавным шовинизмом, дать ему резкий и внушительный отпор.

На песках пустыни, на степных просторах вырастает молодой советский Казахстан, — социалистическая фабрика мяса и жиров.

Комсомольцы учебно-опытного идут одним из авангардных отрядов на полях своего совхоза. Барьеры велики и тяжелы: шовинизм, лень, бескультурье, саботаж. Но живет энтузиазм /молодых/ фашистов, и знатный иностранец через пару лет получит в учебно-опытном социальное удовольствие: ему придется не давать синкоидальные ответы, а принимать их.

Борьба комсомола за казакстанскую фабрику мяса разгорается все ярче.

разговор В СТРОЖКЕ

Б. Клавин

— Жизнь—она действительно вещь хитрая—целая товарищ Богданов.—Ведь как подумаешь, какие она вжуркулась иной раз выкомаривает—страсть!

И узенькие щелки глаз, окаймленные густой седной, еще больше приуменьрились.

— Вот про себя скажу. Ситу я в этой сторожке уже, считай, год с двадцать, а то и более. И' все это, как есть, перед моими глазами прошло. Помню как сейчас, хозяйня дома того, трехэтажного, Переловского. Барин был что надо, хоть не из бар сам был, а в кушпах первой гильдии значился. Строгий был человек. Уж у него бывало все в аккурате. Чуть что-нибудь—враз казак с плеточкой, и мое почтение!

Делов, правда, у нас не доже много было,—кровать делали,—но все же фабрика ничего. Доходы отличные. Бывало, как вьездет хозяйня во двор на паре вороных—держались.

А за год до царской войны Переловский смылся. Служи прошли, что засыпался барин на картах, на вине да на бабах. Пришел вместо него сурьезный такой господин с кокардой да со знаменами—нижеярн Бреннер. Все кроватное бархадо сломали, а вместо него физико стали выработывать¹.

А тут война за Россию мать... святого, да за отечество. И вся что ни на есть физика гранатами, снарядами обернулася. На оборону стал запугивать Бреннер. И так до октября, пока сосед Путиловцев не загудел и не заскрежетал зубами. Пока десятки тысяч мотковско-нарвских рабочих не пошли походом на урелдскоую компанию.

— Бреннера не стало, скажешь за границу бежал.

— Как-то сию утром, как сейчас, на этой скамейке и слышу: кричит кто-то, скребется. Глазь во двор, а хоуди бреннеровские волокут—кто станок, кто ремень—беда. Ломают ас, тащут. Я туда, а один как огрел меня по башке, так и не помню, что дальше было... Неслы дождю через лотоквои оправился. Прихожу на завод—пустота, тишина, как говорится, и сложившаяся. В котире—никого, в мастерской—никого, стекла побиты, ремни ободараны. Погром, одним словом.

Почитай что года два, а то и с половиною, завода никто не касался.

— Насчет народу и в те поры слабовато было. Кто с Юденичем дрался, кто с Врангелем, кто с поляками. А работать на заводе некому. О мастерах толк пошел. Где токар, а где слесаря исхватает. Сидит как-то, вот как сейчас с вами, приходит ко мне двое из главных мастеров. Один, как плтом выяснилось, беспартийный товарищ—слесарь Герасимов, помер нынче, за другой—тог опартийнее—товарищ Туманов.

— А что ежели мы тут завод учебно-механический откроем?—толковали они.

Но какать тут механическая учебка, ежели все механизмы торасканы да поразворочены.

— Ничего,—говорят,—большевики и не за такие дела брались. Мы, говорю, сейчас в телушку да в Москву за разрешением, а там видно будет...

— М-да... Так вот я и говорю. Тяжеловато было. Дров нет—топить нечем. Станков порядочных нет—один балалайка да и тех только 12 штук. Насчет бумаги тоже не разобьешься, и писать, бывало, не на чем. Кто на талзах арифметику выводил, кто на чем. Карандаши тоже не ахти. Плотничники обходились. Инструментом тоже не бовало. Дадут молоток на шестерых—я обучаюсь, как зашея. Напильники сами делали. Самокалки не было, так из простой стали их запустивали.

Балалайки завидит машинной требуется, а два дилея без диллов стоят—не дадут никаких инструментов. Ко-как сырпавили один, пустили. Спасибо, комиссар мастеров помог. Пустили-то пустили, а толку—что от слона молажа. Дель походит, два стонт. Смотрю я, бывало, на них и думаю: «Разбуха поляны, а тут учебку какую-то выдумале». А Герасимов человек настойчивый. Туманов еще хладше. Инструктора на побдор. Уезжая идет—и никакая.

Зайдешь а мастерскую—холодого такая, что молотка а руках не удержишь, крыша светится насквозь. Влезет ребята на круку поддатыть ее толем, а она по следам за ногам вертеть.

Поставили чуточку. То у дороги узя тачку сорвет, то забор сломают и поддальвают маленько. Набегит грядуса два три тепла, подогорется чуть-чуть, сметут со станков снег—и за работу.

— А Николай Платонович Ашарин—инструктор, прямо что твой командир, по мастерской так и носится. Этому покажет, этому расскажет, много пугает, кто задорничает—красотка!. А уж насчет понятия об токарном деле, так Николай Платонович первый сорт. Ему и карты в руки. По сей день здравствует в школе.

Да и не один у нас Николай Платонович. Урусельский, Павел Иванович—тог тоже настак, спец, одним словом. Отковать что-нибудь, так это уж никто так, как Павел Иванович не откажет. Усенадим—отец родной. Любит его ребята почище, чем папашу с мамашей. Чуть что:

— Павел Иванович, покажите!
— Павел Иванович, у меня не выходит...
— Павел Иванович, расскажите, как вы в пятом году в поход на царя ходили.

И Павел Иванович пододает к каждому, разъяснит, что надо. А иной раз, в свободные часы, соберутся ребята вокруг чуточки, нажарят ее до-красна, а Павел Иванович сидит посереде и рассказывает, как он в пятом году на царя ходил, и все это...

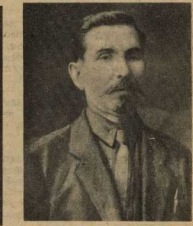
Пенкин вот еще у нас инструктор по слесарному делу, кого угодно за пояс заткнет по своей квалификации. Карасев тоже. Всех и не упоминаю...

А уж про классы, где учебой занимались—книжками, ну, арифметика там, скажем, или вообще грамота,—так и вспомнить смешно.

Чугунки не было. Рамы в окнах поломаны, стекла выбиты—встав... в нечего. Инсе забито доской, или фанерой, инсе поддатыют

Тов. Герасимов

Тов. Туманов

с грехом пополам, а инсе вроде как для вентиляции. Да и стены кое-где просвечивали насквозь, воздухом свежим ублажали. Смешно! Ничего, учились...

— Хорошо, дружно жили, слов нет. Знали ребята, что для себя же стараются.

— Вот так потихонечку да полгощечку и становились на ноги. Народу все прибывало. Станков 12 было, и те дарилиными, инче, глядишь, 34, а будет долажо 52. Выйдеш в класс или цех—тепло, чисто. Писать есть на чем. У каждого тетрадки, карандаши всем-делешные. Вот только насчет книжнок, говорят, слабовато. Не хватает. Ребята, почитай, на 800 человек. Как ни как, не 1200...

— Ну, все, что ли? Какое, все.

— Вот так прошой.—И я протяну старика руку.

— Ан нет, не все. Сидясь.

И, легко явля за рукав, он ускакивает меня рядом с собой на прежнее место

— Похвастаться позабыл,—начинает он, скромно улыбаясь.—Ведь за десять лет их тысячу через мои руки пошло. Глядишь, выросли все, поженались. Заходил ко-кто из ребят—не узнашь. Коричневые штиблеты и все такое. Оно, конечно, всех не упоминать... Многих и не знаю, где они. Поразобрелся по свету, кто куда. А только немало ребят на постах состоит, ответственными работает. Вот гляди: Якубочка, скажем, красный директор на Юнтерере, на заводе. Попов—тог в Москве в высшем профсоюз. Кузнецин—этот по кооперативной линии пошел. Представитель областного комсомола в ЛОСЮО. Кунаев—в транспортной кооперации. Плавчинин—от комсомола представитель в дирекции Октябрьской дороги. Профсоюзный—секретарь комсомольский на заводе Карлы Маркса.

— Еще что. Память-то у меня не больно шкобая... Да. Орлов—в президиум РКИ Нарвского района. Никифоров—в Дорпрофсоюз. Васильев—так тот совсем по воздушной линии пошел. С «Седовым», скажывают, не то на Латочкин, не то на Маточкин шар начальником радостно-танки уехал.

— Да вот теперешние инструктора—Куритенко, Комарков, Большов, Хватский, Станевич, Чехович—все ведь выученники наши.

— А Левенталь! Первый мастер в палате мер и весов, неподалеку отсюда.

— Тач-то.

— Опять же учебка. Сколько их на этой высшей учебке, и не сосчитаю!

И после короткой паузы:

— Божой ой комсомол. Растет, что твоя трава после дождика. Хотел и в грешном делему, туда поддатыть.

— Ну и что же?

— Перерос. Гола не вышил. Ну, да ладно, делов у меня и так хватил. Набор вот февральский, канители много-ого помедети. Понемногу, инструменту не доже, да мало ли?.

— Да вот еще. Ежели писать будешь, не забудь и учителей наших добрым словом помнать. Казус вот, Александровский, Петров, М. А. Мари, Быстров, Могилей. Много и они нам помогали в работе. Хорошие люди. Годов по 8—10 ребят обучают. Брызгалова еще не забудь—бухгалтера, ровно десаток годков конторной нашей управляет, да и Сидякская—счетовод тоже. Шорнива Морозова еще проस्ताв—спервоначалу в нашей школе ремини орудует.

— Ну, прошой! Тебе ити надо. По нашему Урулюкомскому району поодию одному ходить бесподручно. Хулиганство инкой раз случается

¹ Нижеярн Бреннер оборудовал а этом помещении завод фаянсовых приборов.

Чеканка НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Л. Алелев

Сегодня на урне был, конечно, комп. На полу, в кухне, в коридоре и столовой, как гигантские вши эпохи фронтов и сыпьяка, трещат разгрызанные косточки фиников.

Румяный и милосливный Румяцев грызет косточки не выпуская из рук гитары. Вечный читатель Корешков грызет косточки, укутвшись в «Трех мушкетеров». Смешанные дачники грызут косточки, струдившись у натопленной печи. Дежурный по кухне грызет косточки, вытирая тарелки на первой свежести полотенцем.

Компот из фиников бывает на урне не каждый день. Финики выпущены из Лосиноостровского кооператива по единственной заборной книжке коммуны. Книжка выдана Митициным обществу потребителей. По внешнему виду она абсолютно не приспособлена для прокормки людей. Книжка—фуражная, и все талон и корешки ее прировнены к лошадям.

Но на книжке написано: «Действительно», и книжка действует. Коммуна питается на лошадином фуражке и дозы получает человеческие. Единственная попытка кооператива подсушить по книжке сено была решительно опротестована дежурным, забравшим продукты в тот день.

Шестидесят ребят, среди которых только восемь или девять бесприютных, среди которых нет граждан старше 19 лет, учатся в ФЗУ лосиноостровского завода им. Дзержинского и живут в дряхлом доме. Раньше дом был общежитием, теперь стал коммуной.

Отсчитайте от сентября 1929 года надлежащее число месяцев, и вы определите возраст коммуны.

Посмотрите на несколько комнат унылого дома, дохните на вес паром в каубой комнате, определите тошнину льда на стеклах. Тесно, температура умеренная. Коммуна явно не процветает в своих трюках измерений. Одна сторона Лосинья-города в пятидесяти шагах езды от Ярославского вокзала, правая сторона от железной дороги, упирается в лес всеми своими «линиями». Створка пустыня. Никто не ездит по «линиям», кроме лыжников. Вдоль заборов по тропам, где положено быть тротуару, ходит мало пешеходов. Скудно живут домишки вдоль «линий». Рано гаснет в них свет по вечерам. Обиватки и московские совхозляжки, непрерывные дачники по привычке жилищного кризиса, старательно отсиживаются от мороза обороняются от сырости примусами. Жмутся по коммунам, копят быт керосином и небо (много) жизнью своей.

Узлов о коммуны впервые, наперед отзываются пренебрежительно о ней. Кто знает понаслышке—говорит о коммуны невинно:

— Да, живут здесь, ухаты...

Большевиком не знает и не интересуется, положенное унитожением сырости и тараканов. Геросвет. Впрочем, он неминуемо должен знать, что жилищлоцда коммуны имеет столько-то на столько-то помноженных метров. Люди коммуны его не интересуют.

Как принято говорить, на жилищлоцда старого дома укрепляется росток нового быта.

Расколывком «наркомфин» коммуны, особо чувствует новый быт. По утрам к кровати его прибегает ребята и просит денег на текущие расходы. Из одеяльной температурной благодати нет охоты высовывать руку за деньгими и тетрадой с лицевым счетом коммунара.

— Зачем тебе 30 копеек? Карандаш? Ты недавно покупал... Выше? Ты перебрался уже, парень!.. На!

Бюджет коммуны не знает дотаций. Коммуна свои контрольные цифры строит на обобществленном стопроцентном заработке фабзавучиков. От 29—32 до 52 рублей зарабатывают коммунары. И все рубли хорошо знают свое место в общей кассе коммуны.

По Северной железной дороге, на третьем километре тоже есть маленькая коммуна фабзавучиков. У них тоже общая касса, но они черпают из нее средства, руководствуясь принципом широкого доверия. Опыт организации коммуны показал, что отсутствие контроля над средствами ведет, если не к развалу коммуны, то к серьезным финансовым неурядицам.

Только строгий учет средств дает равномерное и целесообразное распределение их между коммунарами. Увеличение доверием—красивый жест, подкупающий жест, но очень непрактичный. Коммуна избежала его и живет в сравнительном бюджетном благополучии.

Расходы на питание—основная статья из 1.300—1.400 рублей дохода. Остаток—две-три сотни рублей—идет на культзуджы, приобретение литературы и пр.

Коммуна одевает и обувает своих членов. Неоднородное арифметическое действие—разложение суммы в 40 рублей среднего заработка одиночки-фабзавушника покажет: чтобы купить пальто за 50 рублей нужно в течение 7—10 месяцев откладывать по 5—7 рублей. вещь трудно вышлудима. Обувь может быть приобретена также путем героической урезки небольшой фабзавучной зарплаты.

Коммуна не знает мучительных терзаний над скудной индивидуальной полуочкой. Она постепенно обула уже всех своих членов, постепенно одевает их, устанавливая очередь—кто гол, тот и первый на очереди.

В истории коммуны не было случаев выступления против уравнения зарплат, об этом даже и старожилы коммуны не упомнят.

Все мелкие расходы производятся самими коммунарами, забирающими потребные гривенники у наркомфина. Есть общие закупки—бумага, перья, карандаши, струны.

Стрелкину на одном заседании совета поручили заведывать струнами. Стрелкин приуныл—струны рвутся у музыкантов часто. Как ему быть, как учитывать струны, за чей счет списывать? Он получил инструкцию: если кто сам не скажет, что он порвал струну, то списывать ее в расход и выдавать новую за счет общих средств. Если будет обнаружен виновник—вписывать расход на струну в его лицевой счет.

Коммуна, таким образом, рассчитана до мелочей. И это в известной мере правильно: счет копеек заставляет ребят бережно относиться к имуществу.

Струна и учует ее у некоторых вызывает усмешки.

— Вот так коммуна! Пошевелиться не дает. Разве это коммунистический принцип?

Струна имеет большой смысл в строгости коммуны, чем это может показаться с первого взгляда.

Мы сидели у черной пылающей печки за шахматным столиком. Моего собеседника развлекла вполне понятный скепсис.

— Я думаю, что у нас в коммуны мало коммунистического. Ребята несозвонательны. Будь читали бы книжку Яковоского «Коммуна 133». Там там организована у ребят лавка без прикачки—каждый берет себе из нее, сколько ему нужно, и записывает стоимость товара. Никто не жалуется, лавка дает даже прибыль. А у нас? Ого! Поставь такую лавку—мигом разнесут!.. И, конечно, забудут записать, кто что взял,—ежидно добавляет мой собеседник.

— Хотели и мы такую лавку организовать. Решили, что будет это лень!.. Нужно считаться с условиями. А условия эти видите какие. Раста надо да раста до коммунистического быта...

Скептик прав только наполовину. Коммунистического в коммуны не мало. Но то, что ребята не обиделись в коммуны, что нет в них полного сознания и ответственности за свое высокое звание—такие верны.

Члены совета часто в претензии. Не слушаются. Намешки строят. Дисциплина хвоя. Усмиврют карточкой. Виновных—за чистку ее, в дополнительный наряд сажают. Помогает мало.

— Ингода обидно бывает за несоответствие ребят,—жалуется один.—Что-нибудь скажешь—кричат: «А ты что привазаешь? Что хожу, ты и делай!»

Со стороны это что хожу? Безобидно. Парни подрались, затронули девчат, завели перестрелку подкунами. Все это не выводит за нормы. Но трения на дисциплинарной почве постоянно разгораются. Однако арбыя шаловня людей должна исключать из коммуны.

Эти факты из области «обнаруживания темперамента» и «проявления личности» не заходят далеко. Странно, если бы среди фабзайчаты была бы суровость нравов монастырских послушников и чинность институтов. Факты эти говорят о другом. Взаимоотношения коммунар с советом не установили на товарищескую ногу. Необходимое дисциплинарное подчинение выборным в свой «орган диктатуры» не признается. Бузвильность ребят несет за собой срыв правил порядков коммуны.

Скелетик у печки повествовал мне, что «спокойное общезнание у нас, никакой ответственности друг за друга, никакого взаимного понимания. В интернате тоже ведут себя не лучше. А мы—коммуна!»

Интернат или коммуна? Одним свободным вечером был длинный разговор на эту тему в столовой. Нашли, что основа первая, коммунарская, а перерой свой быт не по-интернату не хватает силе. Многого нехватает в коммуне. Нехватает сплоченности. Нехватает чувства ответственности перед коллективом. Нехватает понимания—ежесекундного, ежеминутного понимания того, что знания коммуны нужно держать высоко.

Ребята говорят, что коллектив коммуны должен выделиться в фабзуче по академизму. Этого нет. У многих академизм хромает на все четыре копыта. Коммуна не нашла в себе достаточно сил, чтобы создать организованную помощь отстающим в учебе. До последнего времени в коммуне не было в составе академического сектора. Не создано бригад, нет соревнований. Нельзя же забывать, что конечная цель коммуны—воспитать хороших квалифицированных рабочих-общественников. Поэтому сейчас особенно нужно издать на «академику», особенно-тем, кто не ладит с ней. Здесь коммуна не нашла никаких форм коммунарского воздействия. Никто не обращает внимания на эту важную сторону жизни. В коммуне одно—завтрак, обед, ужин, койка, туалет, журнал. На учебе и работе другое. Там коммуна не имеет своего внутреннего продолжения. И в этом смысле коммуна остается интернатом. Они ссылаются на постоянный приток новых членов. Конечно, необработанное сырье мешает строить коммуны, но и «старички» не очень далеко ушли от «сырца».

Ребята не умеют организовать досуг. Вечера проходят в шумном, но бесполом движении. Несколько струнных инструментов получают чрезмерную нагрузку. Может быть, недаром Стрельник волновался о струнном запале. Иные читают по собственному выбору. В ходу приключенческая литература из местной библиотеки. Девчата тоскливо занимают избыточную позицию у теплой печки.

Особое оживление на кухне.

Около работающих всегда голоча свободных от нарядов. Рыжий Петухов ловит за пояс платая Эстрову клещами для гвоздей и, делая выпад против коренастого паренка, пытается вырвать ему большую зуб тем же устрашающим клещами.

Если зайдет какой-нибудь интересный разговор, гитаристы эмокают. Зато они пользуются каждым перерывом в разговоре, чтобы вставить в него несколько аккордов.

В соседней комнате шум. Разбузисны ребята, прыгают по койкам, делят подушки, самая большая летит в шинжающего члена совета. Тому охота запустить в ответ, но мешает чин. Кружков нет. Правда, и руководители нет. Бредут в кино отдельными группами, любители играют партию за партией в шашки. На шахматистов сыска поглядывает шахматный чемпион коммуны—Высокос. Он бьет всех, даже заходящих в коммуны гости.

Так идет вечер за вечером. В коммуне без перемен. Не дремлют, конечно, общественные организации. Шумно обсуждается план культ-семина. План велик и обилен кружками и заседаниями. Многие из кружков перенесены в школу, политический, например.

Конечно, от школы тоже отрываться нельзя, нельзя резко отделить свои общественные организации от школьных. Но школа не должна мешать строить свою, коммунарскую жизнь не по шаблону интерната.

Над коммуной нет внимательного глаза комсомольской городской организации, горсовета, собственной школы. Ребята предоставлены самим себе. И здесь мы должны говорить не о Лосиноостровской коммуне фабзайчат, а о коммунах, которых десятки по фабзавучам Советов.

Ведь важно говорить, что коммуны теперь редкая, исключительная бытовая организация, созданная в каких-то очень хороших условиях. Быт коллективизируется массами. Мы уже имеем опыт молодежных коммун, собранный в отдельных книжках. Уже изданы специальные постановления правительства о коллективизации быта. Выросли сотни производственных бытовых коммун. Строится дома, предназначенные для коллективного быта. Особенно развита коллективизация быта у учащейся молодежи. И многие коммуны, подобно Лосиноостровской, имея в принципе все для углубления своей работы, бродят вокруг да около решительной перестройки быта на подлинно коммунистических началах.

В коммуны нужно выдвигать крепких организаторов, брать шефство над коммуной со стороны завода, фабрики, горкома, ВЛКСМ. Кропотливо, систематически—и в крупном, и в мелком—аводить в коммуны: новый быт. Почти всегда есть общий котел, общая касса. Но ведь этого мало.

В конце концов бывает и так. Новое в производственных отношениях обгоняет людей коммуны. Они не включаются в соревнование и ударничестве большевистских будней и попресекуем учат урки

по одной книге в своем углу, теря на производительность и в учебе свою отличительно коммунарскую чеканку. Коммуны и молодежь из нее нужно лить потоком новой организации во все мелочи внекоммунарской жизни. Воспитание в коммуне должно быть поставлено так, чтобы каждый коммунар чувствовал товарища по бытовой организации командуров у станка и на школьной парте.

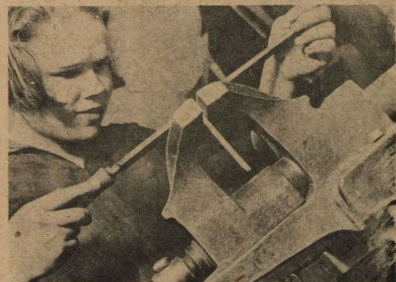
Фабзайчатская коммуна в Лосиноостровске этого не достигла. Ей, как и десяткам других фабзавучным коммунам, необходимо помочь.

М. Мамонина-ударница Ильинка, окончившая ФЗУ в 1929 г.

Фабзайчата за коллективной работой у тонарного станка

На практической работе

фото Елиз. Гоголенцев

Мастер горячего цеха

С. Любитов

1 Его биография проста и незамысловата. Маленьким мальчиком он впервые пришел на шахту, вошел в дробящую клетку и вместе с кляпью сел на шахтное дно. Во все стороны расходившиеся темные, пугающие коридоры. Поисковые лошади сопя и надвигаясь таячили груженные углем вагонетки. Штреки, ступени и лабы убежали вперед, маяя и отталкивая.

Син шахтер—Карташев сам стал шахтером. Стальные тросы связали Карташева с вагонеткой и подсуленной лошадкой. Он конюгоня, пригоняя к шахтной клетке тонны угля и угоняя обратно в темь разгруженные вагонетки. В 1920 году,—анкета и личное дело сохранили следы,—молодой шахтер Карташев вступил в комсомол.

С 1922 года начался упорный учеба. Первым полустанком был рабфак. Потом—Донецкий горный институт. И там, и там—упорная борьба за каждую формулу, за каждое уравнение, за каждый математический закон.

Шесть лет занимался Карташев. Он изучал технику и механику горного дела, удойной воды и постоянности она выдвигались из книжных гряд то, что нужно, что было полезно, без чего нельзя было вернуться на шахту.

В 1928 году Карташев покинул Горный институт, вооруженный знаниями и дипломом. Выросший и окрепший—политически и технически—он пришел на Кадиевскую шахту № 6, чтобы работать участковым инженером. Через некоторое время комсомольцами и членом партии Карташева назначили помощником заведующего шахтой № 22 Голубовского шахтоуправления.

Такова простая и незамысловатая биография.

2 На Донецкий бассейн смотрят миллионами гект; бассейны не выходили из прорыва. В шахты приходили тысячи мобилизованных комсомольцев, они приносили с собой молодую лютю и напор, они мускулы отгадывали революции ни... все-таки бассейн стоял на месте.

Телеграфные сводки, скучные и законченные, сообщали о пятидесяти и шестидесяти процентах добычи, о миллионах неподанных тонн угля, о заводах и фабриках, пососанных на голодный угольный паек.

Люди и газеты кричали о провалах, о преступном росте безжалостности, о падающей трудовой дисциплине. Но и люди и газеты молчали об основном—о недостаточной механизации производственных процессов, о недопустимо скверной организации труда. Потом заговорили и об этом,—правда, с очень большим запозданием.

Вот из этого водоемкой все явственнее стали доноситься голодные, требовавшие коренной ломки технических приемов, голодные требования шахтерской революции, востания против азиатских, варварских методов добычи угля. Голоса настаивали на максимальном использовании механизмов, на божественной механизации, помोजенной на такую же рационализацию. Этого во всем мире своих легких требовала горняк Касурова, об этом говорил бригадир Филатович, на этот момент, подчас интересы поддавшись интересам революции, настаивал немецкий инженер Либкардт, об этом же изо дня в день, из часа в час твердил комсомолец Карташев.

3 Много дней и ночей вынашивал комсомолец Карташев свой план технической революции. Опустившись в шахту, он проверил свои теоретические выкладки, минуты и часы он переводил в рубли, и сумма рублей казалась астрономической. Первые опыты были удачны. От этих первых опытов ртутный столбик в шахтном термометре поднялся на несколько делений вверх. Но опытной лабораторией была только шахта № 22 Голубовского шахтоуправления. Лаборатория была совсем небольшой, в одну гигантскую лабораторию надо было превратить весь Доббас.

Тогда комсомолец Карташев через печать обратился с подробным отчетом о своем методе ко всей комсомольской организации Украины. В своем отчете Ленинскому комсомолу, взрослому его и воспитавшему, инженер Карташев писал:

«На шахте № 22 Голубовского рудоуправления мы применили опыт трехменной добычи угля с лавы. Это опыт проводили сначала на третьей Северной лаве, участках 6—5, где он дал хорошие результаты, особенно в отношении использования механизмов.

«Работая в три смены, мы получаем еще и ту выгоду, что обрабатывая форсированным темпом лаву, мы встречаемся с новыми проблемами, а это уменьшает возможность несчастных случаев.

«Лавы, на которой мы проводили опыты, должна была по заданию давать 105 тонн. Задания мы выполнить не могли. Лавы давала всего лишь 90—95 тонн.

«Зарядки начали работать по-новому, применяя способ непрерывной добычи, лавы стала давать 138—140—150 тонн угля.

«Мы разработали такой порядок работы, машина должна действовать 24 часа беспрерывно, или только тогда мы будем иметь возможность давать добычу в три смены; иначе—третья смена останется без угля.

«Делается это так. Подрубили уголь метром на 20—25. Рабочие приходят и начинают сразу же выдвигать этот подрубленный уголь.

В это время машина идет дальше. За машиной постоянно подбирают штаб дров—два человека.

«Лока машина идет вверх; рабочие заканчивают выдвигать уголь на первом участке и организованно переходят выше—на средний участок. Машина доходит доверху, а рабочие уже заканчивают выдвигать уголь со второго участка. Им снова нужен уголь. Тогда они организованно переходят дальше и начинают выдвигать верх лавы.

«В это время машина возвращается вниз. Дорога для этого есть, ибо штаб уже вывезен. На спуск машина расходует от 30—45 минут до одного часа. Особенной трудности не составляет. Мы даем уголь с верх лавы, машина успевает зреть еще метром 10—15 угля, и когда приходит третья, ночная смена, она без задержек приступает к работе.

«В общем машина работает 56 часов, и только тогда, когда ее останавливают, она отдыхает 3—4 часа, а потом снова работает 56 часов, 3—4 часа передышка используют для медленного ремонта, смазывания и проч.

«Об это и все, что входит в трехменную систему добычи угля. Система чрезвычайно проста и полезна.

«Я считаю своим долгом подать этот короткий схематический доклад своей комсомольской организации, которая учила и вырастила меня как человека и специалиста.

С комсомунтистским приветом Карташев.

В рапорте была изложена квинтэссенция карташевской системы, системы непрерывной добычи угля. Система Карташева разрешила проблему максимального использования механизмов. Норма в 56 часов беспрерывной работы, норма, казавшаяся чудесным раньше несбыточным и ирреальной, оказалась осуществленной.

Система Карташева вошла в жизнь, как входит в нее новорожденный.

4 В контрольных цифрах средняя месячная производительность врубовой машины была определена в 2,860 тонны. Но варварск присямы на себе должны показать контрольные цифры. Контрольные цифры были неадекватны, ибо по названию не использовались машины. Жизнь смеялась над контрольными цифрами, мстя людям за их техническое извержение, за их техническую некультурность.

Когда комсомольская лавы шахты № 22 Голубовского шахтоуправления применила к себе систему Карташева, то оказалось, что эта система повышает производительность врубовой с 2,860 тонны до 4,041 тонны. Но это были только первые дни. Новые дни принесли новые, неслаженные доселе победы: производительность врубовой повысилась до 4,803 тонны, чтобы немного позже подняться до 5,106 тонн.

Когда голубовцы еще задолго до введения системы Карташева снизили астрономическую цифру себестоимости до 4 р. 50 к. за тонну, то радости их не было конца. Подсчитывались сэкономленные тискины, размысливались конкретные виновники «зла», раздавались похвальбы грамоты и благодарности. Тогда тонна угля стоила 4 р. 50 коп.

Система комсомольца Карташева окисила надвое эту цифру, пошла вниз упругую кривую себестоимости, довела ее до 1 руб. 97 коп. за тонну.

5 Система Карташева с трудом (она вошла в жизнь, как входит в нее новорожденный) прокладывала себе дорогу. Реакционеры от производства, свещавшие мотивы от рационализации вылили ушатом зловоливной клеветнической грязи на карташевскую систему. Эта борьба была подлинно классово борьбой. Кто голосовал за новы, тот голосовал за систему Карташева; кто голосовал против карташевской системы, тот голосовал за техническую—а порой и политическую—реакцию.

На шахте № 1 Криворожского рудника программа ударного квартала была выполнена на 51%. Шахта недодала стране 51,228 тонн угля. На прорыв сметели как на нечто законное, и, когда на шахту пришла весть о комсомольском плане технической революции, от него, от лавы, было отведено внимание. Чудесное, самоудное ставло управляющего шахтой Паисеяко, заведующего шахтой Батраченко и механизаторов Изьянова и Кузьменко. В один голос реакционная четверка заявила:

«Система Карташева у нас неприемима.

«На шахте «Паркмуша» торжественно поручили участковому технику Ермакову выдвигать систему Карташева. Решение было занесено в протокол, о нем забыли на другой день, решение положили под сукно, продолжая работать по-старинке.

«На шахте № 12 (Брынка) был произведен рабкорский наезд Хозяйственники усердно расписались за карташевскую систему, дали в целомудренной верности ей, а оказалось, что система Карташева дает нет и в помине, что врубовики простаивают бесчисленное множество часов, что зольность угля достигает 20%.

«На шахте «Альберт» официально работавшим по системе Карташева, а на деле лавы Лукича Афанасьева, Николая Горюна и еще люди, проверили официальные отчеты, стяннули покрывало официального благополюсия, и оказалось, что систему Карташева здесь саботировали.

Система комсомольца Карташева с трудом прокладывала себе дорогу в жизнь. И по дороге «обрадала» ворохом погон.

Сводки сообщают сухой перечень:

■ На шахте Волкова после введения системы непрерывной зарубки резко повысилась суточная производительность врубовки. С 85—90 тонн она поднялась до 184 тонн. Зарплата выросла до 15—25%.

■ На шахте «Богдан», Краснолуцкого района, благодаря введению системы Карташева, удалось за два первых дня январских дней выдвинуть на 101,7%. К концу января программу благодаря той же системе стали выполнять на 108%.

■ На шахте № 28—29 того же района емкий высокий встречный профнастил установил ориентировочную суточную добычу угля в 478 тонн. План, однако, в течение продолжительного времени оставался невыполненным. Благодаря введенной системе Карташева, суточная добыча угля поднялась до 500—512 тонн угля.

■ На шахте № 15, Краснолуцкого района, максимальная добыча в сутки не превышала 603 тонн. С 20 января шахта перешла на карташевскую систему непрерывной зарубки, и добыча угля поднялась до 850 тонн в сутки.

■ 21—22 января пятая северная (комсомольская) лавы шахты № 22 Голубовского шахтоуправления дала вместо 170 тонн, намеченных по самому высокому плану, 200 тонн. Шестая лавная выработка дала 147% задания. Все это — благодаря системе Карташева.

■ В женские дни шахты № 4 Кадыевского района, переходящая на карташевскую систему непрерывной зарубки, дала 141 тонн вместо 118. Шахта № 10 того же района выполнила 133,4% задания.

Прибавьте к этому совершенно точную и проверенную цифру доведения месячной производительности врубовки с 2360 тонн до 4803 тонн. Прибавьте к этому не менее точную и проверенную цифру снижения себестоимости тонны с 4 р. 50 к. до 1 р. 97 коп. Прибавьте, снижения себестоимости тонны с 4 р. 50 к. до 1 р. 97 коп. — тогда получится полная и подробная картина побед. Мастер горячего цеха революции, комсомолец Карташев сумел направить основной нерв, основную пружину дообесского прорыва. И, наддувая, раздуть!

7

За систему комсомольца Карташева голосуют не только колонны своих цифр, но также диаграммы и сводки. Тысячи рабочих, сумевших на своем опыте, на своем небольшом участке работы убедиться в эффективности этой системы, голосуют за комсомольскую бодрость, за молодежную энергию, за техническую революцию, за коренную ломку производственных приемов, за горюю лаву.

И комсомолец Степан и Курочкин, работающий на одной шахте. Карташев, говорит вовсе не от своего имени, он говорит от имени тысяч горняков, говорит убежденно, горячо и привязно: «Я работаю на лаве, переведенной на систему тов. Карташева. Система эта проста и не сложна, но чрезвычайно полезна. Лавы наши никогда не имели красной звезды, а теперь ее можно увидеть на таблице информации об исполнении суточных заданий.

«Раньше машина рублила преимущественно ночью, а потом лежала, как что-то ненужное, до тех пор, пока весь забой не освобождал от угля. Теперь совсем иначе мы работаем без остановки.

«Система тов. Карташева чрезвычайно важна как с хозяйственной, так и с политической стороны. Она бьет по разным маловерам и туркам, которые испугались трудностей при выполнении пятилетки. Бьет по правым с их политико-чужацким темпом развития наших хозяйств.

«Система тов. Карташева не случайна. Она — результат борьбы рабочих-горняков с провамом в Донбассе. Немедленное применение этой системы даст возможность стереть пятно провама с рабочих Донбасса.

«Нам, комсомольцам, нужно немедленно подхватить этот опыт, который больше всего отвечает политике партии и государства в области механизации угольного производства.

«Со всей энергией, настойчивостью и ответственностью возьмем, товарищи комсомольцы, расширить эту систему горных работ».

8

Карташевская система встретила на своем пути десятки препятствий, десятки вражеских барьеров. Уходящие дни и менялись приемами борьбы. От гоголевого отрицания эффективности, от поливания ударов гололе, от подлости выдвигания упреков грязи, эта борьба — совершенствуюсь и усложняясь, перешла на более высокую стадию, на стадию хитрых ударов в тыл, неожиданных нападений и... дискредитации.

Именно там, где рождалась система Карташева, именно на Голубовской шахте № 22 эта классовая борьба приняла особенно острый характер. Против комсомольской новинки выступили управяющие Голубовским шахтоуправлением Горюхов, заведующий шахтой № 22 — Ефимов, секретарь партколлегиата — Демченко. Нужно было выждать время, когда Карташев хотя бы на несколько дней покинет шахту, и тогда произвести организованное нападение.

На VIII Всеукраинском съезде комсомола Карташева выбрали делегатом на всесоюзный съезд. Карташев уехал в Москву. Время оказалось удобным для организованного выступления против карташевской системы. Систему решено было разложить изнутри. Были применены все средства — чтобы сказать, где кончался оппортунизм и начался угодничество.

В лавы перестали доставлять лес. Мленов производственных бригад начали перебрасывать с места на место. Негодны и реакционеры стали сдерживать темпы подготовительных работ. Резко упала вниз цифра выработки. Первое оружие против карташевской системы было найдено.

Помощник технического руководителя шахты № 22 Мухин и отдал распоряжение посадить лаву. Контрольный десятник Чивичева помнил, что этого делать нельзя, ибо лавы завалились и погребет машину с конвейером. Но Чивичева понимал слишком много и его, по распу-

ражено Ефимов, снимают с должности десятника и переводят на работу лавитогов.

Организованное выступление против карташевской системы увенчалось успехом. Добыча по всем лавам резко упала. Только комсомольская лавы шахты № 22 отразила нападение врагов: она попрежнему далаа вместо 170 тонн в сутки—250.

Заговор подпольно был раскрыт. Горюхов и Ефимов исключены из партии и ставки под суд. Карташев назначен заместителем главного инженера по механизации Голубовского шахтоуправления. Сосем недавно — комсомолец и партией Карташев избран членом Голубовского райпаркома.

Система непрерывной зарубки Карташева вошла в жизнь.

9

Два документа:

Первый.

«Особое внимание президиум ВСНХ СССР предлагает усилить скорейшему распространению и внедрению на шахтах Донбасса опыта достигнутого рабочим Кадыуровым на шахте Волковской, Первомайской шахтоуправления, и инженером Карташевым на шахте № 22 Голубовского шахтоуправления, а также рабочим-бригадиром Филлимоновым на шахте «Капитальная», Маковского района».

Второй.

«Заслуга постановления Президиума ЦИК СССР. Союзом СССР о том, что:

инженер шахты № 22 (Калубовка) тов. Карташев, бывший конюгон-горняк, и рабочий-выдаженец, заведующий шахтой Волковской, осуществил метод непрерывной работы врубовых машин, коренным образом перестроил работу шахты № 22, в результате чего добился уже теперь увеличения производительности машины больше чем в два раза.

Немецкий инженер, гражданин Либардт разработал и применил на шахте № 12 Бранского шахтоуправления новый способ передатки конвейерной установки без предварительной разборки, что сократило время переноски и укрепления с 6—8 часов до 10 минут;

завобник шахты № 29 Маковского шахтоуправления тов. Филимонов организовал использование врубовой машины и на обратном ходу, чем добился увеличения числа циклов в месяц вдвое (с 10—12 до 24—25) и соответственного увеличения производительности машины;

президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

1. За проявленную инициативу и самоотверженную работу на угальном фронте в Донбассе наградить орденами «орден Ленина» инженера Карташева, заведующего шахтой Косуурова, немецкого инженера Либардта и завобника Филимонова.

2. Перечисленным лицам одновременно выдать премию размером по 5 тыс. рублей каждому.

Председатель ЦИК Союза ССР

М. Калинин

Секретарь ЦИК ССР А. Енукидзе

Москва, Кремль, 8 февраля 1931 года.

10

Ленинский комсомол воспитал инженера-большевика Карташева, мастера горячего цеха революции.

КОМСОМОЛЬСКАЯ смекалка

под редакцией С. Глязер

Читателям „Смены“

После длительного перерыва мы вновь начинаем печатанием отделе игр и развлечений под названием «Комсомольская смекалка». Основная задача отдела—дать живые, занимательные, интересные игры, пропитанные политическим содержанием, способствующие развитию полезных навыков. Тренировка внимания, памяти, сообразительности, изобретательности,—вот пути, по которым пойдет отдел.

Успех работы «Комсомольской смекалки» всецело зависит от активности читателей. Не ограничиваясь только решением помещенных

задач, они должны и сами организовывать коллективные решения, сами придумывать свои загадки и головоломки.

Мы просим читателей сообщить нам, как на вечерах в клубе, на домашних вечеринках используются помещаемые нами игры. Наладив обмен опытом по организации досуга! Тогда досуг, организуемый по материалам «Комсомольской смекалки», будет живым, занимательным, интересным и политически актуальным. А в этом основном смысле существования вновь начинаемого печатанием отдела.

Мертвая петля

Рис. Л. Шохор (Москва)

Десятый съезд Всесоюзного Ленинского комсомола взял шефство над Красным воздушным флотом. Рабочая молодежь должна это шефство поддержать и принять активное участие в строительстве Красного воздушного флота. Советские аэронавты и дирижаблестроители рвут над СССР.

Для того, чтобы обеспечить успех в выполнении взятого шефства, нам необходимо осуществить то, к чему призывает лозунг, заключенный в чертовой петле (траектория, которая показана на рисунке).

Расшифровать этот лозунг мы сможем, если воспользуемся ключем, изображенным в левой части рисунка.

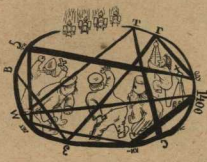
Твердое решение

Рис. Л. Сивцова

Декабрьский пленум ЦК и ЦКК наметил программу третьего года пятилетки. В этот решающий год коллективизация должна быть охвачена не менее 50% всех крестьянских хозяйств, а в отдельных районах (Северный Кавказ, Волга, Сибирь) — не менее 80%. Это обеспечивает практическую возможность осуществления лозунга о ликвидации кулачества как класса.

Это твердое решение партии будет осуществлено благодаря тому, что в третьем, решающем году пятилетки мы будем иметь...

Для того, чтобы узнать, что мы будем иметь в третьем году пятилетки, следуйте по линиям, изображающим классовых врагов: воюю, кулаков, равнин и сектантов.

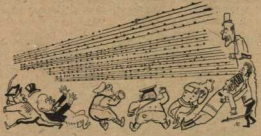

Переполох

В капиталистических странах все силы направлены к тому, чтобы исканить правду о Советском союзе. Особенно боятся капиталисты правды о Красной армии.

Однажды волны эфира передали через рубежи о нашей Красной армии то, что должны знать все трудящиеся. Это вызвало переполох в стане врагов.

Для того, чтобы расшифровать сообщение, соедините точки прямыми линиями. Получится буква, по которой вы прочтете переполохившую буржуазно радиопередачу.

Авиатор

«Авиатор» — забавная игра-аттракцион, интересная тем, что она не только развлекает но и приучает к ориентировке с закрытыми глазами и развивает способность «чувствовать» землю. Это очень важное качество для всех тех, кто работает в авиации и кому приходится управлять самолетом или воздухоплавательным аппаратом.

Инвентарь для игры заключается в доске, глянцовой не менее 3—4 см. Доску можно заменить самой обыкновенной длиной скамейкой. Число играющих не ограничено. У аттракциона работает не менее 3—6 человек.

Затейник, проводящий игру, обращается к участникам с предложением испытать свои авиаторские способности. Желающему завязывают глаза и ставят его на доску или на скамейку, а доск поворачивают под углом к доске за концы и слегка ее покачивают. Затем один соперников подает подсказки: «хорошо», «вниз», «выше», «осторожно, нагнись», «потолок», а в это время кто-либо из помощ-

ников или из зрителей берет кусочек фанеры и, встав на стул, острожно касается головы «авиатора».

В это время раздается возглас затейника: «прыгай», а доска падает вперед сильнее.

«Авиатор» судорожно пытается удержать равновесие, но прыгнуть боится. Нередко, потеряв ориентировку, он и испуге срывается с повязку с глаз и видит, что находится всего лишь на расстоянии в несколько сантиметров от пола. Разочарованно он сходит, уступая место другому, но оказывается, что и другой не смысл... ведь он отлично знает, что его поднимают совсем не так высоко, как это кажется.

Если же доску будут поднимать выше, чем на 20 см, от пола, то обязательно надо «страховать» авиатора. Для этого с обеих сторон становится по одному из домашних затейника, цель которых понимать в объятия того, кто не удержится и полетит с доски.

при капиталистическом способе производства

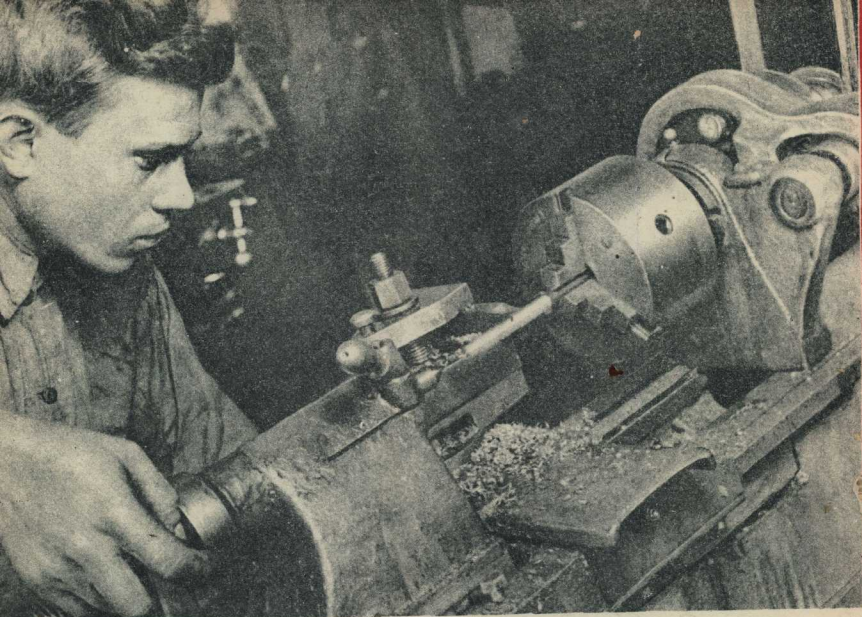
Мы имеем: месточайшую эксплуатацию, закабаление масс трудящихся, проведение рационализации на костях рабочего класса, разорение мелкого крестьянства, рост безработицы, сокращение заработной платы, духовное порабощение, полную бесперспективность для рабочей молодежи.

у нас, в стране строящегося социализма, наоборот, — труд рабочей молодежи подчинен задачам обучения, задачам воспитания.

Мы имеем: сокращение рабочего дня, повышение заработной платы, улучшение материального положения трудящихся, рост сети народного образования, соединение производительного труда с обучением, подъем всех творческих сил и способностей трудящейся молодежи, расцвет всех народов, населяющих Советский союз. Огромные перспективы, которые открываются перед всей страной, отрывают и перед каждым в отдельности молодым трудящимся Советского союза возможности расцвета его сил и способностей, отрывают возможности выявления новых талантов из среды трудящихся.

...При капитализме, конечно, этого нет. При капитализме это и невозможно, это возможно только при диктатуре пролетариата, и в особенности в период вступления в социализм. Отсюда любовь со стороны рабочей молодежи, со стороны всех трудящихся и советской стране — социалистическому отечеству мирового пролетариата.

А. Косарев (из доклада на IX съезде ВЛКСМ).

Фото—Е. Горошевской-Игнатович

голосуем за призыв комсомольцев в науку и в технику!

„Отныне звание комсомольца и ударника
проверяется умением проникнуть в гл-
бины науки и техники...“.

(цк влсм)